

Любовь и Магия

Екатерина Васина

Нет, детка, это – фантастика!

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Васина Е.

Нет, детка, это – фантастика! / Е. Васина — «Эксмо»,
2016 — (Любовь и Магия)

Вот так бывает – встретишь идеального во всех отношениях мужчину, а он переворачивает твою жизнь с ног на голову. Лиза всегда хотела выйти замуж за богатого и успешного. А когда встретила такого человека, то влюбилась по уши, словно ее околдовали. Ведь ко всему прочему ее избранник оказался еще и умным, заботливым и невероятно привлекательным. Не мужчина – мечта! Но тогда почему самая близкая подруга прямо заявляет о том, что у их отношений нет будущего? Да и все остальные вокруг начинают вести себя, мягко говоря, странно. Все, включая ее любимого. И может, «околдовали» – это ключевое слово в их отношениях?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Васина Е., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	16
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Васина, Анна Селина

Нет, детка, это – фантастика!

© Васина Е., Селина А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забывать? – забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!*

М. Ю. Лермонтов, «Демон»

Пролог

15 июня 1911 года, Кавказ, город Пятигорск

– ...и один маленький камень, очень горячий, похожий на уголек, упал с небес возле дома большой и бедной семьи. От удара он раскололся на несколько частей, и они остались лежать, а земля вокруг них нагрелась, как печка. Утром люди вышли на улицу и увидели осколки небесного камня, – голос рассказчицы звучал мерно и негромко, навевая сон. – Люди взяли осколки в руки и стали разглядывать. Острыми краями некоторые из них порезались, и тогда к ним в кровь проник яд опасных существ из другого мира.

– Из волшебного, – слышался сонный голос семилетней Анны. – А яма была большая? Как здесь, в Пятигорске?

– Из волшебного, – согласилась мать. – Нет. Яма была маленькая. – И она продолжила рассказывать сказку, которую в детстве слышала от прабабки. – Яд попал внутрь людей и изменил их. Превратилась та семья в страшных существ, пьющих людскую кровь и боящихся дневного света. Лишь младший сын не брал небесные камни в руки, а потому остался прежним и смог убежать подальше, спрятавшись в замке волшебников. Шли годы. Чудовищ становилось больше. Их стали называть вампирами. Днем они прятались в гробах, а ночью выходили и нападали на людей. Многих они перебили: села за селами, города за городами...

Пятилетний Иван охнул едва слышно, и мать успокаивающе коснулась рукой его макушки, продолжая:

– Пока однажды не встали защищать род людской волшебники, среди которых был и младший сын. Они сражались храбро и умело. Выигрывали битву за битвой. И наконец истребили мерзких чудовищ. Перебили всех до единого, чтобы маленькие детки могли спать и не бояться темноты. А осколки небесного камня младший сын спрятал, чтобы больше никто не смог превратиться в чудовище.

Молодая женщина замолчала. Конец сказки она изменила – когда ее рассказывала прабабка, то выходило, будто несколько вампиров выжили, затаились и стали прятаться от волшебников, чтобы творить свои беззакония в ночи. И с тех времен стали охотиться на них волшебники, ища в темноте адских приспешников, пьющих кровь.

Только детям незачем это знать.

Бабка много таких сказок знала и все рассказывала их Лизоньке. Про бабку говорили опасно, что ведьма она и цыгане у нее в роду есть, но все это было глупыми сплетнями.

– Мама, а расскажи еще сказку, – зевнув, попросила Анна. – Про принцесс и драконов...

Та согласилась. Лишь спустя полчаса она закончила. В прохладной полутьме детской спальни слышалось сонное дыхание троих детей. Поправив одеяла, Елизавета провела рукой по волосам самой младшей – двухлетней Агнии – и тихо вышла, прикрыв дверь.

– Лизонька, – слышался голос Федора Ивановича. – Ты уложила детей, душа моя?

– Уложила. – Елизавета заглянула в комнату мужа. Тот уже устроился на кровати, с местной газетой в руках, которую не успел прочитать после обеда. На двадцать лет старше ее, Федор Иванович в последнее время мучился изжогой и периодическими болями в животе, и врач посоветовал ему подлечиться на курорте в горах Кавказа. Так что уже больше месяца они всей семьей жили здесь, наслаждаясь великолепным воздухом. И дом сняли просторный, с четырьмя комнатами и большой гостиной, на тихой, спокойной улице, в стороне от Елизаветинского источника. Сбоку к дому примыкал великолепный яблоневый сад. Его ветви по ночам скреблись в окна столовой и кухни, первое время пугая детей.

– Гувернантку ведь выписали, а ты утруждаешься, – с легкой укоризной покачал головой Федор Иванович. В супруге он души не чаял.

– Мне нравится с детьми проводить время, – отвечала та. – Нетрудно их спать уложить.

– А сама ты, Лизонька, спать ложишься?

– Закончу с вышиванием и лягу сразу. – Молодая женщина странно посмотрела на мужа, уже сильно поседевшего, грузного, но очень доброго и отзывчивого человека. Елизавета вышла замуж за него в восемнадцать лет, чтобы спасти семью от полного банкротства. Вышла, руководствуясь не чувствами, а практичностью. Но со временем привыкла и если не полюбила мужа, то испытывала к нему огромное уважение и привязанность.

Именно поэтому она не пойдет сегодня в сад.

Оказавшись в своей спальне, Лиза оперлась руками о светлый туалетный столик и внимательно взглянула на отражение в большом овальном зеркале в причудливой раме. Оттуда на нее смотрела молодая женщина с черными густыми волосами, уложенными в строгую прическу. Большие синие глаза выделялись на чуть уставшем, но красивом еще лице с высокими скулами и яркими губами. Домашнее скромное платье великолепно сидело на фигуре, которая ничуть не испортилась после рождения троих детей.

– Ты не пойдешь в сад, – прошептала одними губами Лиза своему отражению. То печально посмотрело в ответ, словно сомневалось в этом. Но сегодня женщина собиралась сдержать слово. Устроившись перед зеркалом, она медленно распустила волосы, тяжелыми густыми прядями падавшие на грудь и плечи. Зачем-то провела ладонью по бледной щеке и чуть прикрыла глаза.

Невыносимо.

Сна не было ни в одном глазу. Сначала помогла отвлечься вышивка, затем – томик Лермонтова, чтение его в сим месте не было лишено некоторой пикантности. Но чем ближе подходила стрелка к заветной отметине на настенных часах, тем тоскливее становилось. Тем сильнее хотелось в сад, к нему. И ничего уже не помогало.

Хозяйка комнаты попыталась заснуть. Не получалось.

– Элиза-а-а... – легкий шепот, почти неслышный, невесомый, влетел в приоткрытое окно вместе с ночным ветром. Лиза резко открыла глаза и вздрогнула, чувствуя, как тело отзывается навстречу искушающему шепоту. Ветер скользнул по ее щеке, и ей тотчас припомнилось, как ее гладит тот, кто ждет в саду.

– Нет, – она почти до крови прикусила себе губу, – нет, я не пойду к тебе!

Ветер принес новую порцию шепота, в котором было обещание наслаждения. Задрожав, Лиза закрыла уши руками и зажмурилась. Но даже тогда не получилось отгородиться от того властного зова, который звучал где-то в голове. В какой-то момент ей показалось, что за спиной кто-то стоит. Едва не вскрикнув, женщина обернулась. Конечно, никого в спальне не оказалось, но это было уже неважно. Ненавидя себя, всхлипывая без слез, она крадучись прошла к двери кухни и вышла в сад.

Там стояла тишина, пропитанная запахами травы, ночи и порока. Да-да, с некоторых пор Лиза ощущала его темный притягательный аромат, понимая, что падает все ниже и ниже. Туда, откуда нет выхода.

И женщина сошла с крыльца, впиваясь пальцами в ладони, стискивая зубы и ненавидя свою слабость.

Полная луна освещала сад, делая тени еще более мрачными и зловещими. Одна из них, в отдалении, чуть шевельнулась и превратилась в высокий силуэт широкоплечего мужчины.

Поздний гость с улыбкой подошел к ней, осторожно, с нежностью, поцеловал дрожащую руку и произнес негромко по-французски:

– Элиза, ты не хотела встречи? В чем дело?

– Я... – Она замолчала, не в силах продолжить, и сцепила пальцы в замок. Одно лишь легкое прикосновение его губ к ее запястью – и она натянута, как струна, готовая вот-вот порваться.

– Продолжай, – велел ей мужчина. Темноволосый, красивый, статный, одет безукоризненно, с иголочки. Идеальный. Только неправильно это все, грязно! Но почему же так и тянет коснуться его, поцеловать, прижаться к широкой груди?

В немигающих зеленых глазах его отражались отблески фонарей, и Лиза опустила голову. Ей казалось, чем больше она смотрит в эти глаза, тем больше хочет повиноваться любому его желанию.

Мужчина, однако, двумя пальцами взял ее за подбородок и мягко приподнял вверх.

– Что случилось, Элиза? Говори. Ты можешь сказать мне все. – Его бархатный голос обволакивал. Этому голосу можно было доверять. А внимательному взгляду – поведать все.

Женщина тяжело вздохнула, приложив руки к высокой груди, которую не скрывал простой покроем платья.

Как бы ни было тяжело, она должна сказать. Она больше не может это продолжать!

И после своих прощальных слов ни минуты не останется в саду.

– Мы больше не можем продолжать наши встречи, – сказала она срывающимся голосом. – Это неправильно. Отвратительно. Грешно. Каждая ночь с тобой – чудесна. Но я словно душу тебе продала. Днем я себя ненавижу. Места не нахожу. Не могу мужу в глаза смотреть.

Луна укоризненно смотрела на Лизу с черничного неба.

– Ошибаешься, – мягко сказал мужчина, делая шаг вперед, теперь они стояли друг против друга неподобающе близко. Лиза по привычке оглянулась по сторонам – вдруг кто увидит? Позора не оберется ни она, ни ее благочестивый супруг, ни дети.

Дети... Дети остались в доме, спят под образами, а она стоит в саду с любовником, в простом платье, с распущенными волосами, трепетно бьющимся сердцем, которое того и гляди вот-вот вырвется из груди. И думает не о своих крошках, а о чужом мужчине, чужестранце-католике, который пленил ее поцелуями и объятиями.

– Ошибаешься, моя милая Элиза, – произнес мужчина, склоняясь и едва касаясь своими губами ее губ, словно играя. – Как любовь может быть грешной?

Легкая шаль упала с плеч на землю.

Одной рукой ночной гость обнял Лизу за талию, второй провел по ее шее, которую особенно любил ласкать, изредка оставляя на нежной белой коже следы страсти – молодая женщина потом стыдливо их прикрывала. Его пальцы остановились на впадинке у ключицы, а после вольно двинулись вниз, к груди, очерчивая круги.

– Прекрати, не нужно, – попыталась остановить его Лиза, чувствуя, как от легких прикосновений подкашиваются ноги. Еще немного – и она вновь будет готова на все.

– Твое тело говорит об обратном. – Он целовал ее шею: не спеша, едва касаясь губами, но вскоре поцелуи его становились все напористее. Наутро опять следы остаться могут...

– Вдруг увидят? – с отчаянием проговорила Лиза, сдаваясь.

– Нас никто не увидит, любовь моя, – отвечал мужчина, словно понимая, что творится с его любовницей; более того, и сам он наслаждался происходящим.

Его прикосновения становились все настойчивее и настойчивее, шепот, опаляющий кожу, – все жарче. Мужчина склонился и коснулся губами ее груди, лаская сквозь ткань платья. Лиза не выдержала и запустила руки ему в волосы, прижимая к себе, а после жарко поцеловала, обхватив горячими ладонями его лицо.

Она сама расстегнула лиф платья, заставив наблюдающего за ней мужчину закусить губу от удовольствия.

– Ты прекрасна, – восторженно прошептал он.

Вновь подул ночной ветер, и мраморная кожа молодой женщины покрылась мурашками. Мужчина поспешил согреть ее своим дыханием и губами. Она лишь гладила его по волосам, подаваясь вперед, цепляясь пальцами в плечи...

Поцелуй продолжился и был долгим и опьяняюще-страстным.

– Пожалуйста, – едва слышно, сквозь прерывистое дыхание, проговорила Лиза, и не понятно было, просила она остановиться или продолжить, отпустить ли юбку или же задрать еще выше.

– Ты – моя, – прошептал ночной гость, вновь проводя влажными губами по ее шее и то нежно, то страстно, почти до боли, целуя обнаженную тяжелую грудь. Податливое тело Лизы окончательно предало хозяйку, посылая острые вспышки удовольствия в низ живота.

– Так... Так нельзя... – Против воли она обхватила любовника за сильные плечи, вдыхая запах горьковатой французской туалетной воды и чего-то еще, возбуждающего и пьянящего, как изысканное вино.

– Со мной можно все. – Этой фразой мужчина поставил точку в разговоре.

Лиза запрокинула голову, встречаясь с ним взглядом. Увидев полыхавшее в глубине зеленых, сейчас почти черных глаз нетерпение и жажду, она едва слышно простонала и расслабилась, больше не пытаясь вырваться из его объятий. Лишь сильнее откинула голову назад, подставляя шею, обнаженные плечи и грудь под его поцелуи. Легкие укусы добавляли остроты ощущениям, словно пряная специя. А тело уже налилось тем самым томным жаром, который с каждым движением мужчины становился все сильнее, требуя выхода.

– Я в тебе, любовь моя, – его голос ласкал ее ухо. – Отныне я – часть тебя. А ты – моя. И всегда будешь моей.

Острый, сильнее обычного, укус заставил Лизу на мгновение замереть, а затем вонзить ногти в спину любовника, прижимавшего ее к дереву. Его требовательные губы накрывали ее – мягкие и податливые, выпивая крики, не давая им вырваться наружу.

Болезненное острое наслаждение оказалось коротким мигом. А дальше было лишь опустошение, неприятное, тянущее. словно вместе с яркой вспышкой страсти Лиза отдала зеленоглазому любовнику небольшую часть себя. Продолжая находиться в объятиях мужчины, так как ноги все еще подкашивались, женщина понимала, что вновь проиграла. Каждый раз она собиралась разорвать их порочные отношения, и каждый раз он не позволял ей. Ласками, сводящими с ума, нежностью и темным очарованием, которое не отпускало ее ни на минуту.

– Мне пора, муж может начать волноваться.

– Я уже предлагал тебе уехать со мной. – Мужчина большим пальцем провел по припухшим от поцелуев губам Лизы. – Можем сделать это прямо сейчас. И ты будешь со мной. Вечно.

Женщина вздрогнула: то ли от свежего ветра, коснувшегося обнаженной спины, то ли от его слов. В них не было и намека на шутку.

– Я не брошу детей и мужа. – Она отстранилась, хотя это потребовало от нее огромных, просто нечеловеческих усилий. – Пожалуйста, не приходи больше, не мучай меня.

– Не могу, прости. Это выше моих сил. – Он не сводил с нее внимательного взгляда. – Я все равно заберу тебя, Элиза, когда придет время.

Расстались они после долгого чувственного поцелуя, в котором странным образом смешались и нежность, и желание, и страх.

Мужчина с неохотой отпустил Лизу, глядевшую на него совершенно больными глазами и стыдливо поправлявшую юбки. Он точно знал – она не прочь повторить еще и еще, да и он тоже. Однако времени больше нет.

Но скоро он наверстает упущенное.

– Будь в саду завтра, – велел зеленоглазый. И, видя, с каким страдальческим выражением лица смотрит женщина на виднеющийся за ветвями дом, спросил вкрадчиво: – Ты любишь меня, Элиза?

– Больше жизни, – против воли отвечала та и, вспомнив вновь своих детей, пустилась прочь, зажав рот ладонью, чтобы не слышно было ее всхлипов.

Ее таинственный любовник смотрел вслед и тонко улыбался. Ее слезы нравились ему на вкус. И губы – тоже, и кожа...

И кровь.

Лиза, не зная мыслей того, от которого была без ума, кралась к крыльцу, прячась в тени ветвистых деревьев, как какой-нибудь вор. Укус на шее слегка саднил, губы припухли от поцелуев, а сердце все еще отчаянно колотилось и требовало вернуться назад, к любимому. Но сделать этого женщина не могла. Все, что она могла сейчас, – незамеченной вернуться в спальню и забыться тревожным сном, дабы забыть обо всем. А наутро начать все сначала и все-таки выиграть. Не приходиться больше в сад. Уехать, уехать быстрее из этого места! И чтобы никогда больше не встречаться!

Уже в тихом спящем доме Лиза вдруг поняла, что обронила в саду легкую шаль, в которую куталась в ночной прохладе. Пришлось возвращаться. На прошлой неделе она по случайности оставила в саду перчатки, которые утром нашла служанка, взятая на воды с семейством. И тогда она так подозрительно буравила хозяйку взглядом, что та, не выдержав, отослала ее из дома. Если она вновь найдет вещь, принадлежащую Лизе, начнутся расспросы и домыслы. И вдруг тогда все поймут, какая она падшая женщина? К тому же старый слуга Федора Ивановича недавно видел ее возлюбленного неподалеку от дома, когда тот ждал Лизу для вечерней прогулки.

Шаль немедленно нужно было забрать! Лиза спешно вернулась в сад, не ведая, что ее там ждет. Она думала, что грешный ее возлюбленный покинул его, однако смогла разглядеть сквозь листву под лунным светом его силуэт.

Он был не один – рядом стоял высокий мужчина во фраке и шляпе, лицо которого скрывала темнота. О чем они беседовали, женщина не поняла – ей показалось лишь, что беседа была совсем недружеской. Однако любовник вдруг оглянулся в ее сторону, словно увидев. Но стоило ему это сделать, как мужчина в шляпе вдруг с нечеловеческой скоростью набросился на него, словно только и ждал подходящего момента.

Молодая женщина ахнула неслышно, не зная, что делать и как помочь любимому, упавшему на землю от столь невероятного удара. Впрочем, ничего делать и не пришлось, потому что дальше был настоящий ад.

Тот, кому отдала свое сердце Лиза, вскочил так, словно и не было чудовищного удара. Двигаясь слишком быстро для обычного человека, он бросился к нападшему. Женщина замерла, боясь вздохнуть: ей показалось, что в тусклом свете фонаря и луны мелькнуло что-то, похожее на когти.

Ее мужчина свернул шею противнику. Умело. Играючи – словно котенку.

Лиза попятилась, зажимая рот обеими руками, стараясь сдержать крик. А ее любовник вновь огляделся и вдруг невероятно быстро оказался рядом с ней. Женщина успела заметить острые длинные клыки и когти. В некогда зеленых глазах мерцали алые отблески.

– Демон, – едва вымолвила Лиза и лишилась чувств, упав на траву.

Когда она открыла глаза, то к ужасу своему поняла, что над ней склонился возлюбленный – уже в человеческом своем виде. Глаза у него казались обыкновенными, разве что усталыми. И клыков с когтями не было.

Да только Лизе все равно было страшно до жути. Она хотела закричать, но голос не слушался. Тело словно онемело, стало чужим, неподатливым. Все, на что способна была сейчас женщина, – отползти немного, цепляясь слабыми пальцами за траву.

– Любовь моя, не бойся, – произнесло чудовище, дотрагиваясь до ее волос. – Тебя не обижу. Прости, что пришлось увидеть. Иначе бы он убил тебя, Элиза. Понял, что в саду я не один.

Он склонился, чтобы поцеловать ее, но Лиза отчаянно замотала головой. Ее трясло от страха, в голове все спуталось, и даже молитвы забылись. Его объяснения молодая женщина и вовсе не слышала. Ей казалось, что и ее сейчас постигнет участь того несчастного. А после чудовище найдет ее семью. Муж, дети, слуги – все они беззащитны против чудовища.

– Оставь... Оставь меня, демон, – сорвалось с ее дрожащих губ.

Ее слова ударили его по щеке, словно перчатка офицера, зовущего на дуэль.

– Я же сказал: ты – моя, – улыбнулся любовник. – Не сопротивляйся, Элиза.

Сжав ее запястья, он насильно поцеловал женщину: грубовато, но все с той же прежней чувственностью, а она вновь потеряла сознание от осознания того, кто ее целует.

...Ей снилась бабка, та самая, которая рассказывала странные, порою пугающие сказки.

Старуха со спутанными седыми волосами, собранными в пучок, неодобрительно глядела на нее, сидя в кресле-качалке, что поставил себе Федор Иванович, любивший вздремнуть на свежем воздухе после обеда.

– Что, Лизавета, страшно? – спросила она, покачиваясь.

– Страшно, бабушка, – покалялась та, стоя перед ней, как нашкодивший ребенок. – Я столько всего натворила.

– Не вини себя, – словно знала бабка об изменах Лизы. – Зверю никто отказать не в силах. Зверю сопротивляться нельзя. Он силой берет. Да только потом убивает.

– И что мне теперь делать, бабушка? – опустилась на колени Лиза. Бабка погладила ее по растрепанным волосам и вздохнула.

– Моя кровь тебе поможет. Кольцо с черным камнем, что я тебе оставила, помнишь? Уезжай домой как можно скорее. Найди его. Надень и не снимай, – велела бабка. – Сможешь тогда зверю противостоять, коли он в душу твою яд еще не пустил глубоко. Пока кольца на твоём пальце не будет, он везде тебя найти сможет. И будет делать с тобой, что захочет. Поняла меня, Лизавета?

– Поняла, бабушка. – По холодным щекам ее текли горячие слезы. – Так и сделаю. Он демон, бабушка?

Та ничего не успела ответить – стала меркнуть, растворяться в воздухе, печально улыбаясь.

Проснулась Лиза в своей постели, когда в щель между тяжелыми шторами пыталось пробиться яркое солнце.

В этот же день она уговорила мужа возвращаться домой как можно быстрее.

Глава 1

Февраль 2016 года, город N

– Вы прибыли к месту назначения, – женским голосом проворковал навигатор.

– А то я не вижу, – проворчал Охотник, заглушая мотор. – Так, не вздумай мне наблевать возле трупa, Вик.

– Я тогда не был готов к такому зрелищу, – вскинулся его напарник, чья шевелюра напоминала растрепанную пальму, на которую попытались нацепить вязаную шапку. – Блин, чувак, это один раз было. Ты теперь меня всю жизнь подкалывать будешь?

– А то как же! – Охотник поднял воротник зимней куртки и открыл дверь. В салон мигom ворвался холод. Февраль выдался богатым на суровые морозы, такие, что по утрам воздух казался прозрачно-стеклянным. Он обжигал легкие и больно кусал за лицо. Пару раз светловолосый видел, как летящая птица вдруг замирала и падала, замерзая на ходу.

Жертву обнаружила жительница дома, стоявшего рядом с сосновыми посадками. Точнее, ее собака – заинтересовалась, что там такое темнеет среди сугробов. Женщина сначала вызвала полицию, а затем, подумав, «Скорую помощь». Для себя. В итоге ее увезли в больницу с сердечным приступом. Ибо увиденное не всем дано было пережить спокойно.

Все это одним махом Охотнику выложил его напарник Виктор, успевший поговорить с кем-то по телефону.

– А народу-то, народу, никому дома не сидится, – проворчал тот, чувствуя, как на холоде начинают неметь руки даже в перчатках. Неподалеку от места преступления, несмотря на дикий холод, собрались зеваки. Люди тревожно переговаривались, и лица у них были любопытные и испуганные. Несколько дальше, за ограждающей лентой, переговаривались криминалисты и оперативники. Один из них вдруг бросился к белоснежным кустам и, судя по звуку, распрощался с завтраком.

– О, твой коллега по несчастью. – Охотник хлопнул напарника по плечу. Тот скривился и промолчал, не желая открывать бесполезный спор. Вик только еще недавно начал службу, тогда как его товарищ уже имел довольно большой опыт.

– Куда? – окинул парней тяжелым взглядом один из оперативников. Те тотчас достали темно-красные корочки и раскрыли перед лицом полицейского.

– Управление «О», – сказал Охотник небрежно, и им кивнули, разрешив пройти на место преступления. Следом хотел просочиться какой-то ушлый долговязый тип в очках – судя по всему, очередной пронырливый журналист, но ему этого сделать не дали.

Молодые люди пролезли под лентой, а к ним уже спешил немолодой мужчина в штатском – дежурный следователь прокуратуры.

– Доброе утро, Максим Леонидович, мы стали с вами частенько видеться, – пожал ему руку Охотник – при каждом слове изо рта вырывался пар.

– Да уж, доброе, – проворчал тот, растирая и без того пунцовые щеки и нос. – Два месяца – два изуродованных женских трупa. Помнишь тело на Майской?

Парень очень хорошо помнил изломанное тело молодой девушки, найденное за городом, у подножия горы, прозванной в народе Майской. Это был первый выезд Вика на труп, тот самый, что ему в укор постоянно ставил напарник.

– Так вот, почерк похожий. Я бы даже сказал – один в один. Начальство уже рвет и мечет.

– Думаете, серийник? – приподнял бровь Охотник.

– Мне не положено думать, – хмыкнул Максим Леонидович. – Мне положено преступника найти. А как я его со своими ребятами найду, если улик нет? Чисто все.

Оперативники уже давно выехали на вызов. Из управления «О» послали своих людей спустя пару часов. Максим Леонидович точно не знал, чем это самое управление занималось и как выбирало преступления для своего «патроната», однако он был отлично осведомлен – когда за дело брались люди оттуда, как правило, следствие продвигалось успешно.

Иногда слишком успешно для того, чтобы быть правдой.

– Улики всегда есть, – заявил самоуверенно Охотник. – Главное – хорошенько поискать.

– Вот и поищи, – согласился оперативник, прикрывая лицо варежкой. – Poiщи, родимый, может, чего найдешь. Предварительное время смерти – около четырех утра. Сам понимаешь, это сейчас тут зевак понабежало, а тогда ни души не было. Домов поблизости не наблюдается. Свидетелей нет. И ни единой улики, – вновь посетовал он.

Охотник лишь улыбнулся. Он точно найдет улики.

– Пойду в машине погреюсь, – решил тем временем мужчина. – Осматривайте, как закончите, скажите, и в морг повезут. Я туда ребят своих отправлю. И вы езжайте.

– О`кей. Идем, – кивнул Охотник Виду, и тот нехотя пошел следом за коллегой.

Тело девушки, облаченной лишь в окровавленную атласную голубую сорочку, лежало у одинокого дерева, которое издали казалось волшебным – все стояло белое, усыпанное снегом. Только вот под ним снег был совсем другой: красный, впитавший кровь, превратившийся в кашу. Он был безмолвным свидетелем убийства.

– И, конечно же, все затоптали, – недовольно заметил Охотник, осматриваясь.

– Летать им, что ли? – выдохнул, глядя на весьма неприглядное зрелище, Вик.

– Рожденный ползать летать не может, – хмыкнул он.

Охотник внимательно оглядел жертву и пространство вокруг.

– «Слепок», – тихо велел он молодому напарнику, продолжая разглядывать тело.

Тот молча кивнул – несмотря на жуткое зрелище, все еще держался.

– И на камеру не забудь снять, – продолжал светловолосый мужчина.

Вик медленно обходил место преступления по кругу, внимательно оглядывая каждую мелочь. Сейчас он буквально «фотографировал» ментально место преступления, чтобы затем переслать в технический отдел, который позднее сделает из «слепок» объемную модель с возможностью входа. Свое послание он дублировал настоящими фотографиями – уже для архива.

Присев на корточки, Охотник с явной неохотой снял кожаные перчатки и потер ладони друг о друга, прежде чем надеть перчатки стерильные, как и другие его коллеги, находившиеся неподалеку.

Первым делом он проверил шею – так и есть, на ней три едва заметных укуса, еще два – на затылке. Осмотрев труп, Охотник осторожно оглянулся и, видя, что на него не обращают внимания, поднес руки к изуродованному телу, остановив их в миллиметре от него. Серые глаза его потемнели, стали почти черными из-за расширившихся зрачков, дыхание замедлилось. И даже сердце стало пропускать удары.

Он пытался прощупать угаснувшее сознание, но словно провалился в черную бездонную яму, падая, падая, падая... Он летел вниз, изредка ловя взглядом смазанные обрывки воспоминаний. А навстречу ему летели обломки мыслей, которые невозможно было собрать воедино.

Черная яма была бесконечной. И из нее пора было убираться.

– С-сука, подчистил, – прошипел Охотник, возвращаясь к обычному состоянию. Голова кружилась, и сильно саднило горло, будто бы он долго кричал, не переставая.

Впрочем, обращать на это внимание мужчина не стал. Он принялся внимательно осматривать голову трупа, который смотрел на него круглыми из-за срезанных век застывшими глазами.

– И что же ты придумал, ублюдок? – почти нежно прошептал Охотник, едва ли не тычась носом в ледяную кожу жертвы. Из-за многочисленных ран было сложно сказать, что именно ему надо.

– Лихачев, я все. – Виктор остановился за спиной напарника. Тот лишь молча отмахнулся, продолжая изучать тело.

Его взгляд зацепился за ухо, едва виднеющееся в спутанных светлых волосах. Внутри его что-то темнело. При близком изучении «что-то» оказалось спекшейся кровью.

Охотник вновь тихо выругался.

– Опять пусто? – догадался Вик. Прошлую жертву тоже нельзя было прочитать – правда, из-за проникающих ранений головы.

– Пусто. Но это тоже о многом говорит. Мне уже интересны результаты вскрытия. – Мужчина выпрямился. – Укусы надо будет сравнить с укусами предыдущей жертвы. Если совпадают – тогда задница.

– Как думаешь, среди упырей есть маньяки? – удивился Вик.

– Лично я не встречал, – пожал плечами Охотник. – После того как я встретил среди них вегетарианца, я уже ничему не удивлюсь. Но прецеденты мы поищем. Ты поищешь, – улыбнулся он широко молодому напарнику. Тот насупился, но смолчал. – И никогда не бери в расчет только одну версию, малыш, – наставительно добавил он. – Гемоглобинозависимые – хитры. Под этими убийствами они могли замаскировать все что угодно.

И Охотник, еще не зная, как верны слова напарника, с азартом гончей собаки пошел к дороге. Его заинтересовали цепочки почти занесенных утренним снегом следов, которые тянулись к проезжей части – там уже заканчивали работать люди Максима Леонидовича. Правда, мужчина сомневался, что они хоть что-то найдут – по дороге проехало столько машин, что понять, какие следы от протекторов принадлежат автомобилю убийцы, было сложно. Он вообще мог припарковаться у противоположной стороны и просто перейти дорогу. И, судя по всему, жертва была у него в руках – ее следов ни люди управления «О», ни оперативники не обнаружили.

– Все, поехали, сейчас только скажу, чтобы тело забирали, – наконец сказал Охотник. – Надо еще упырям сообщить. Пусть присылают наблюдателя, как они любят делать. Если, конечно, подтвердится, что тут поработал клыкастик.

– Почему все самое интересное делаешь, а мне поручаешь заниматься ерундой? – возмутился Вик, сразу понявший, какое ему поручают задание.

– Потому что ты оставляешь свой завтрак возле трупов, – улыбнулся ему напарник мило.

И они, порядком замерзшие, спешно зашагали к машине.

Охотник оглянулся вдруг на одинокое белоснежное дерево, оставшееся позади.

– Покойся с миром, милая, я его найду, – пообещал он тихо.

– Что вы скрываете от общественности? – требовал тот самый ушлый долговязый журналист, когда парни садились в машину.

– Я тебя сейчас в обезьянник упеку, – пообещал ему грозный полицейский, стоящий у оградительной ленты. – Там и найдешь все скрытые смыслы.

Охотник только ухмыльнулся, немедленно включая обогреватель. После неудачного ментального подключения, да еще на фоне хронической усталости и недосыпа, у него ужасно болела голова. Уже в морге он не выдержал и всухую проглотил сразу две таблетки обезболивающего.

Наблюдая за работой судмедэксперта, парень вдруг услышал тихий шепот:

– А что за управление «О»-то такое?

– Какая тебе разница?

– Приехали на готовое, начали командовать, корочкой размахивать. Что за управление оборзевших?

– Охреневших, – громко сказал Охотник и весьма выразительно посмотрел на молодого любопытного полицейского. Тот промолчал и сделал вид, что временно оглох и онемел. Вик хмыкнул и покачал головой: порой ему казалось, что его напарнику подошел бы раздвоенный язык.

Но ведь и объяснить, что за таинственное управление «О» работает вместе с оперативниками, тоже нельзя. Во-первых, его деятельность засекречена. А во-вторых, его сотрудники не были людьми. Первые же фразы про истинное положение вещей заставили бы слушателей потянуться к мобильнику, чтобы вызвать санитаров из психиатрической больницы.

Правда же выглядела для обычного человека несколько фантастично. Два вида, мутировавшие за счет вируса-симбионта, когда-то прилетевшего на Землю вместе с метеоритом. Humanoid lamia и Humanoid magum. Вампиры и маги, от которых и взяли начало многочисленные и до неузнаваемости приукрашенные легенды. Два вида, враждовавшие когда-то, а теперь заключившие договор и старавшиеся мирно уживаться друг с другом.

Относительно мирно.

Звонок мобильного заставил Охотника выйти в коридор.

– Что у вас? – раздался требовательный голос начальника управления.

– Женский труп, около двадцати пяти лет, личность устанавливается. Следы насилия, колото-ножевые, скоро сами все увидите. – отрапортовал мужчина бодро. – Та же картина, что и на Майской.

Оглядевшись по сторонам – в полутемном коридоре никого не было больше, – он продолжил, но уже значительно тише:

– Крови выпито немного, а вот сканировать мозг не удалось. Его превратили в кашу. Он проткнул ей ухо чем-то вроде острой спицы и как следует пошуровал там.

– Вернешься – с докладом ко мне, – приказал начальник со вздохом. – Надеюсь, третьего трупа не будет. Паника в городе не нужна ни мне, ни нашим человеческим друзьям.

Глава 2

– ...и он такой, такой! – тут словарный запас у рассказчицы явно дал сбой, и она просто покрутила в воздухе руками, как бы стараясь описать того, о ком рассказывала уже битый час.

– Ну, если судить по твоим телодвижениям, он круглый и извилистый, – хмыкнула ее собеседница, поигрывая соломинкой в высоком стакане с остатками ледяного коктейля.

Лето в этом году выдалось не просто жарким, а изнурительно душным. С мая месяца город напоминал гигантскую раскаленную духовку, лишь немного охлаждавшуюся к ночи. День у многих начинался не с привычного кофе, а со стакана холодной воды или мороженого. Продавцы ледяных напитков задирали цены, но их товар все равно расхватывали – освежиться хотелось всем.

Две девушки, на вид лет двадцати пяти, устроились в кафе, где всю работу выполнял кондиционер, принося благословенную прохладу. У обеих шел обеденный перерыв, но думать о еде совершенно не хотелось. Вместо привычного бизнес-ланча подруги дружно заказали холодный десерт и соки со льдом, а заодно обсуждали животрепещущую тему – нового уха-жера одной из них.

– Ты бы видела его манеры! Просто лорд, путешествующий инкогнито. – Лиза перестала размахивать руками и начала методично разрывать бледно-желтую салфетку. Бирюзовый длинный сарафан из тонкой воздушной ткани отлично смотрелся на загорелой коже, подчеркивал изящную женственную фигуру и гармонировал с широко распахнутыми синими глазами девушки. Пышные каштановые волосы – гордость Лизки – по случаю жары были стянуты в тугую «французскую» косу.

– И часто ты лордов встречаешь? – вторая девушка выглядела ее прямой противоположностью. Худощавая и чересчур бледная, со светло-зелеными глазами на узком симпатичном лице и копной ярко-рыжих кудрей, которые не выдерживала ни одна заколка. Светлые летние брюки и элегантная блузка из тонкой изумрудной ткани дополняли обманчиво-воздушный образ.

– Алекса, он реально классный. И у него такая тачка! – Тут Лизка чуть наклонилась вперед и прошептала благоговейно: – «Chevrolet Camaro 2010 RS»!

– Мне сейчас упасть и забиться в судорогах восторга? – осведомилась Алекса.

– Ты не знаешь эту тачку?! – не поверила Лизка. Что-что, а уж толк в хороших машинах и шикарных мужчинах она знала.

– Лично – нет, – пожала плечами Алекса, – но если встречу, то обязательно пожму ей колесо. Господи, подруга, я всего на две недели укатила из города, а ты уже успела послать одного и подцепить другого. Ладно, а чем еще может похвастаться твой лорд, кроме крутой квартиры, не менее крутой машины и, по твоим словам, обалденной внешности?

– Этого недостаточно? – поджала пухлые губки Лиза.

– Ну, меня бы заинтересовало наличие мозгов в красивой головушке, – ухмыльнулась Алекса, знаком подзывая официанта и прося принести счет. Лизка задумалась на мгновение, а потом просияла белоснежной улыбкой счастливейшего и малость глуповатого от этого человека.

– Он очень умный! Честное слово, прямо Википедия ходячая! Да ты сама его скоро увидишь, он мне прислал сообщение, что подъезжает.

– Что ж, полюбуюсь таким сокровищем, – в ироническом голосе девушки проскользнула нежность к подруге. Лизку она любила как младшую сестренку, хотя обе считались ровесницами. Однако то, как сошлись девушки со столь диаметрально противоположными характерами, оставалось загадкой.

Лизка была ветреной и обаятельной, но при этом практичной до мозга костей. И ужасно приземленной. Едва ли не с рождения ее основной целью было выгодное замужество. Темноволосая красotka обладала поистине уникальным даром с ходу определять материальное благосостояние очередного кавалера. Алекса просто делала мысленный «фей-спалм», когда очередной поклонник подружки получал от ворот поворот только за то, что приехал на недостаточно престижной машине или подарил семь простых хризантем вместо семидесяти семи дорожных роз.

Сама Алекса замуж пока что не стремилась. Как она говорила, целью ее жизни была карьера – девушка работала в крупной косметической компании, занимавшей несколько этажей в недавно отстроенном деловом комплексе «Империял». В отличие от Лизы, которая отучилась абы как, она была лучшей студенткой на биохимическом факультете, а недавно защитила кандидатскую. Александра хоть и слыла язвой, но в глубине души была неисправимым романтиком. Как-то она проговорила подружке, что верит в любовь с первого взгляда. Однако Алекса считала, что над отношениями надо много работать и хорошего мужчину женщина должна сделать сама. Лиза же предпочитала, чтобы мужчина сам себя сделал хорошим, то есть идеальным для нее.

Ходячая Википедия с замашками лорда прибыл довольно скоро, прямо минута в минуту. Кроваво-красная двухдверная красавица с блестящими боками и широкой решеткой радиатора плавно затормозила напротив кафе. Из нее вылез высокий мужчина и стремительной уверенной походкой направился к подругам. Выглядел он весьма и весьма респектабельно. И дело было не только в отлично подобранном костюме. Прямая спина, гордо расправленные широкие плечи, чуть приподнятый подбородок, темные, стильно зачесанные назад волосы по ставшей популярной моде 30-х годов, как будто бы мужчина только что вышел из салона красоты, – все это говорило, что возлюбленный Лизы – человек, который может себя подать, да еще как! Недаром девушка была от него без ума. Бледная кожа и правильные черты вытянутого лица, преисполненного изящного равнодушия, также привлекали внимание. Только глаз было не разглядеть из-за темных очков. Александра вдруг с шумом втянула воздух и пристально взглянула на вошедшего.

– Генри! – вскочила при виде него Лизка и уставилась на мужчину влюбленным взглядом. – Ты приехал!

Тот слегка улыбнулся, осторожно, словно соблюдая приличия, обнял девушку за плечи и усадил ее на место, галантно отодвинув стул, а после сел рядом.

– Алекса, это Генри, мой парень. Генри, это Алекса, моя подружка, – прошептала Лизка радостно. На лице ее было написано такое обожание, что Александра с сожалением поняла, что подружка без ума от своего нового кавалера. Она мрачно глянула на мужчину и сощурилась. По тонким рукам ее поползли мурашки – прямо по голубому узору переплетенных под кожей вен, вверх, к сгибу локтя, к ключицам.

Девушка дернула плечами, пытаясь отогнать не столько мурашки, сколько плохие мысли, моментально посетившие ее при виде Генри.

– Приятно познакомиться. Елизавета много о вас рассказывала, – между тем сказал тот глубоким и приятным низким голосом. Такой часто бывает у тех, кто занимает руководящие посты, привык много разговаривать, убеждать и понимает, что голос – отличный бизнес-инструмент. Очки мужчина так и не снял, впрочем, они оказались не солнцезащитными, а фотохромными – в простонародье называемыми «хамелеонами». Линзы слегка посветлели, однако выражение и цвет глаз до сих пор было не разглядеть.

– Надеюсь, только хорошее. – Алекса откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

И как теперь от него избавляться?

– Конечно, – подтвердил Генри таким тоном, что заподозрить его в нечестности было кощунством. – Рассказывала, как много вы помогаете ей.

– Помогаю, – подтвердила рыжеволосая и вдруг ухмыльнулась. – На прошлой неделе помогла дотащить ее пьяную до такси. И от поклонников назойливых помогаю отбиться, – в ее голосе слышался прямой намек.

– Алекс! – возмущенно воскликнула Лизка.

– Молчу-молчу. Не выдам больше наши маленькие женские секретки. А мне Елизавета о вас совсем почти и не рассказывала. – Александра пристально посмотрела на Генри. – За исключением восторженных эпитетов, разумеется. И даже почти перешла на метафоры и аллегории.

– Обо мне нечего рассказывать, – вновь улыбнулся тот широко. Пристальный взгляд девушки его не смущал. – Совершенно среднестатистический человек.

Алекса вдруг фыркнула, но постаралась замаскировать этот звук под кашель.

– Да какой ты среднестатистический! – возмутилась льнущая к нему Лиза. Она обожала все эксклюзивное, и этот мужчина не был исключением. – Мой Генри невероятный, – заявила она подруге.

Мужчина, беззвучно смеясь, поцеловал девушку в висок и повернулся к рыжеволосой:

– Надеюсь, и вы, Александра, сможете меня оценить. Мне важно, что друзья моей Лизы думают обо мне.

– Тут солнца нет, – как бы между прочим сказала рыжая, игнорируя его слова.

– Я в курсе, – серьезно кивнул ей Генри.

– Ну, так очки снимите, – сообщила она, – привыкла, знаете ли, в глаза смотреть, такое вот я странное существо. Или вы скрываете очаровательный фонарик?

– Они у меня с диоптриями, не обессудьте.

– Старость не радость, – ухмыльнулась Александра, но от дальнейших колкостей воздержалась. Лишь побарабанила пальцами по столу, стараясь успокоиться.

К столику подскочил официант и с обаятельной улыбкой положил на столик счет в симпатичной коробочке-шкатулке. Взять его, однако, Алекса не успела. Ее опередил Генри – утащил прямо из-под носа, заставив рыжую девушку гневно сверкнуть глазами. Она хотела было сказать пару ласковых, однако и тут парень Лизы оказался впереди.

– Буду счастлив угостить вас, – заявил он, небрежно вкладывая в шкатулку пластиковую карту. Елизавета еще больше расцвела от такой щедрости своего возлюбленного и едва не стала мурлыкать, а вот Александра нахмурилась.

– Может быть, стоило еще что-нибудь заказать, раз у нас такой щедрый спонсор? – словно мысля вслух, сказала она. Лизка улучила момент, пока Генри не видел, и показала подруге кулак. Алекса только плечами пожала.

– Буду еще более счастлив, – не растерялся Генри и жестом подозвал официанта, окочивающегося неподалеку и надеющегося на чаевые. С появлением мужчины в дорогом костюме и на шикарной тачке они явно увеличивались. – Принесите меню. И стакан воды. Со льдом.

– Будет сделано, минуту, – просиял официант и умчался.

– Эй, – возмущенно шептала в это время Лиза, перегнувшись через весь стол. – Ты с ума сошла?!

– Нет, – мотнула огненной головой ее подруга. – Я, может быть, есть захотела. А тут на халяву предлагают. Бери – не хочу!

– Я тебя прикончу! – кровожадно пообещала Лиза, царапнув длинными ногтями стол. Правда, как только она заметила, что на нее смотрит Генри, в момент преобразилась и вновь стала милой девушкой с ангельскими задатками. – Мне кажется, Алекса пошутила, мы уже

съели десерт. Да и жара такая, о еде даже думать тошно, – замурлыкала она, изо всех сил улыбаясь Генри. – Может быть, мы пойдем на улицу? Прогуляемся?

– Я жрать хочу, – не отступала Алекса.

– Что за жаргон! – возмутилась Лиза, хотя сама обычно выражалась куда хлеще.

– Я хочу угостить вас, милая, – улыбнулся мужчина. Он словно не замечал взглядов Александры, ее тона и вообще недоброжелательности и ехидства. И вел себя крайне корректно.

– Расскажите мне о себе, – потребовала рыжеволосая, в ожидании меню откинувшись на спинку стула. – Я должна знать, кому отдаю подругу.

– Я расскажу! – вмешалась Лизка, которая уже по-настоящему обозлилась, но вида не подавала. Только в красках показывала изредка подруге, как будет душить ее. – Генри...

– Ты уже рассказывала, – скучным голосом оборвала ее Александра. – Красивый, богатый, получивший образование в Википедии...

– Что, простите? – приподнял темные широкие брови мужчина. – Я получал образование в Оксфорде, – добавил он.

Лиз уставилась на него в немом восхищении.

– Ой, только не говорите, что вы не читаете статьи в Википедии, чтобы потом блеснуть своими энциклопедическими знаниями в обществе прелестных девушек, – махнула рукой Алекса.

– Я предпочитаю другие энциклопедии, – серьезным тоном ответил Генри. Рыжая закатила глаза.

– Ладно, кем вы работаете? – задала она вопрос и сама же на него ответила: – Богатым наследником?

– Отнюдь. Инвестирую, – кратко ответил мужчина. Очки он так и не снял, что жутко нервировало Алексу. Этот тип ее вообще раздражал с невероятной силой. И вот Лизку было жалко. Не знает же, глупая...

– То есть вы понимаете, куда стоит вложить деньги, чтобы получить еще бóльшие деньги? – нагло поинтересовалась она.

– Что-то вроде этого, – благодушно отвечал Генри. Рядом с ним рыжая чувствовала себя москвой, лаявшей на слона, но отступить не хотела.

– А что вы вкладываете в мою подругу? Знаете ли, мы с ней простые сотрудники. Даже если вкладывать в нас миллионы, мы не принесем дохода.

– Алекс, хватит! – звенящим от напряжения голосом воскликнула Лиза.

– Я вкладываю в Лизавету чувства, – позволил себе снисходительную улыбку Генри. Бойкая, в общем-то, синеглазая девушка от смущения отвела взгляд в сторону. Алекса же усмехнулась.

– А душу вложить можете?

– А глупости можешь перестать говорить, милая подруга? – раздраженно спросила Лизка.

– Извини, – покорно опустила глаза в пол Алекса, но стоило ее подруге отвернуться и зашебтать что-то своему поклоннику, как взгляд рыжеволосой вновь стал колючим и изучающим.

Новый ухажер подруги при всех его неоспоримых плюсах ей совершенно не нравился.

Когда меню вновь оказалось на столе, Александра решительно раскрыла его, полистала, заказала самое дорогое блюдо, заставив подругу охнуть, а после невинным тоном попросила официанта принести самое лучшее вино. Лиза краснела и пыталась остановить Алексу, но той было хоть бы хны. А Генри продолжал вести себя по-джентльменски.

– Не рекомендую вам заказывать тут вино, – сказал он, словно ежедневно таскал по кафе и ресторанам подруг своих избранниц и успел изучить все заведения города. – Принесут подделку, которая будет стоить неоправданно дорого.

– Ага! – обрадовалась Алекса. – Считаете каждую копейку!

– Хватит! – заорала Лиза и, поймав удивленный взгляд Генри, который говорил ей, что любит спокойных девушек, понизила голос: – Александра, ну что ты говоришь! Генри не считает ни копейки, ни рубли, ни доллары. Знаешь, что он подарил мне вчера?

– О! Жаркое! – узрела официанта с подносом Алекса.

– Генри подарил мне серьги! – звенящим от негодования голосом произнесла Лиза, видя, как подруга набрасывается на блюдо. А серьги и правда были замечательные: белое золото с рубинами и россыпью крохотных, искрящихся на солнце камешков. Лиза только дома поняла, что это настоящие бриллианты. Она так и застыла перед зеркалом, а потом прыгала едва ли не до потолка.

– Вино не открывайте, заверните мне с собой! – заявила Алекса наглым тоном официанту. Лизка пнула подругу под столом, выражая свое негодование. И даже у официанта глаза на лоб полезли. Только Генри остался совершенно невозмутимым.

– Вы так любите вино, – сказал он несколько ехидным тоном, потягивая ледяную воду. – Я пришлю вам из своих запасов бутылку «Шато Марго» тысяча девятьсот восемьдесят шестого года урожая. Часто пьете? Или как это лучше сказать по-русски? Выпиваете?

Алекса, которой есть совершенно не хотелось и она лишь делала вид, что наслаждается поданным блюдом, криво улыбнулась.

– Реже, чем человек, у которого есть свои собственные запасы.

– Знаешь, подруга, сиди и доедай, а мы с Генри поедем, – приняла твердое решение Елизавета, не в силах больше терпеть наглость Алексы и ее ухмылки, которыми та награждала парочку время от времени.

– А можно, я сока томатного закажу? – брякнула Александра. – И суши навынос?

– Нет! – прошипела Лиза. Поведение подруги ее ужасно бесило. А вдруг Генри обидится и бросит ее?! Она точно этого не переживет! – Генри тебе не меценат из благотворительного фонда «Поддержи обжору».

– Все в порядке, дорогая, – заявил тот, вновь доставая карточку и подзывая официанта. – Я рад оказаться полезным твоим друзьям.

– А почему вас зовут так странно – Генри? – спросила Алекса, как будто и не понимая состояния подруги. – У наших соседей так собаку звали, колли. Глупая она была, правда, – подняла светло-зеленые глаза на мужчину девушка. – Ей все время кричали: «Генри, фу! Генри, нельзя!» А она не понимала. В итоге выбежала на дорогу и... – Девушка скорбно развела руками.

– Помяните ее вином, – очаровательно улыбнулся ей мужчина и поправил очки на переносице.

– А вот еще одну историю знаю, – как будто и не слышала его Алекса. – У одной девочки была очаровательная собачка. Маленькая, но зубастая, и девочку очень любила. Но однажды к девочке прибился шелудивый пес. А маленькая собачка возьми да загрызи его. Бойцовская порода! Хватка-то у нее – ого-го! – и рыжая звучно пощелкала зубами.

– Господи, что ты несешь! – схватилась за голову Лиза, с тревогой поглядывая на Генри. Опасаясь за свою выдержку, она схватила мужчину под руку и едва не силой потащила к выходу. – Милый, мы не опоздаем на выставку?

– На какую выставку? – Алекса чуть вздернула бровь. – Эй, где мои суши?

– Сама закажешь, – едва ли не прошипела подруга, не понимая, что нашло на рыжую. – На научную. Про тайны жизни и все такое.

Александра заинтересовалась: вот чего-чего, а науку Лиза обходила стороной, интересуясь исключительно ее продуктами. Алекса точно знала, что синеглазая подруженька с жадностью накинется на модный дорогой телефон, но ей будет плевать на то, какие новейшие технологии были задействованы при его создании. А тут, смотрите-ка, прямо рвется на выставку, к которой раньше бы и за километр не подошла. Да этому мужчине следует памятник при жизни поставить. Встречаются всего лишь две недели, а уже так умудрился изменить Лизавету!

– А на работе ты больше не хочешь показаться?

– Я отпросилась! – волком глянула на нее подруга.

– Что ж, удачи на выставке. – Алекса решила больше не дразнить пыхтевшую Лизу. – Было почти приятно познакомиться и все такое. Лиз, спишемся еще и созвонимся.

– О да. – Тон подруги не оставлял сомнений в содержимом ее будущих сообщений Александре. Чувствовалось, Лиза уже мысленно строчит гневные послания на тему «Зачем ты троллишь моего мужчину?!» Наградив подругу еще одним сердитым взглядом, шатенка поспешила выйти из кафе. Генри, послав Алексе загадочную улыбку, предупредительно распахнул перед спутницей дверь и вышел следом.

Она наблюдала через огромное окно, как темноволосый высокий мужчина галантно усадил Лизу в машину, сам сел за руль, и спустя минуту кроваво-красный автомобиль резво рванул в сторону центра.

Провожая предмет благоговения подруги тревожным взглядом, Алекса залпом допила коктейль и подозвала официанта.

– Где мое вино? У меня подруга с ума сошла, надо это дело обмыть.

Несмотря на шуточный тон, лицо ее было совершенно серьезным. Как у человека, который только что узнал плохую весть и теперь не мог решить, что делать.

Немного подумав, девушка достала телефон и стала печатать подруге сообщение:

«Твой Генри имплантировал тебе новые мозги? С каких пор ты заинтересовалась наукой?»

Ответа не последовало, впрочем, Александра его и не ждала. Лиза сейчас играет роль милой девочки, а такая вряд ли станет матами посылать подругу в пешее эротическое путешествие. А, может быть, рядом с Генри ей не до эсэмэсок.

Покачав головой, Алекса набрала номер дяди, но наткнулась на автоответчик и запоздало вспомнила, что родственник еще ночью улетел во Францию на какие-то важные переговоры. Значит, придется добывать информацию самой.

Прихватив вино, которое ей совершенно было и не нужно, девушка вышла на раскаленную улицу, почти бегом пересекла дорогу и нырнула в прохладное фойе бизнес-центра. Такую жару она всегда переносила с трудом. Чересчур светлая и нежная кожа Алексы моментально обгорала и краснела, едва не сползая клочьями. Весь летний сезон несчастной девушке приходилось обмазываться самыми сильными солнцезащитными кремами – они хоть как-то спасали положение. Поэтому в такие дни Алекса предпочитала появляться на улице либо рано утром, либо поздним вечером. И порой завидовала Лизе, которая могла спокойно загорать в самую жару и ни капли не обгорать при этом.

Беззвучный лифт с зеркалами быстро домчал Алексу, нервно постукивающую короткими ногтями по сумочке, до двадцатого этажа. И она, громко стуча каблуками, миновала холл с администратором и охраной и направилась в лабораторию.

Девушка трудилась в компании, специализирующейся на создании и продаже оборудования для косметологии и медицины, а также различных эксклюзивных косметических средств. Если точнее – то в отделе прикладных исследований, где разрабатывались новые концепции товаров. Надо заметить, сотрудником она была преотличным и весьма ценилась начальством.

– Ты чего такая взвинченная? – окликнул Алексу худощавый светлоглазый парень, на чьих запястьях болталось множество кожаных браслетов сложного плетения. Алекса, накинув на плечи белый халат, уже нависла над многочисленными пробирками и микроскопами. На вопрос приятеля она дернула плечом и проворчала:

– Подруга дурью мается. Нашла мажора с дивным именем Генри.

– Вау, он иностранец? Симпатичный? – ее собеседник не скрывал своего интереса к мужскому полу.

– Типаж Ретта Батлера в современной обработке, – фыркнула девушка. – Насчет иностранца не знаю, не сказали.

– Ты ревнуешь, что ли? – усмехнулся коллега.

– Нет, я просто беспокоюсь за подруженьку с ее талантами находить на заднюю точку неприятности. – Рыжеволосая склонилась над микроскопом, давая понять, что тема закрыта.

Но все ее мысли были лишь о Лизе и Генри.

Подруге не стоило встречаться с этим мужчиной.

* * *

Елизавета прочитала сообщение от Алексы и не без раздражения запихнула телефон подальше в сумочку. Поведение рыжей разозлило ее не на шутку.

– Кажется, я не понравился твоей подруге, – словно поняв, кто ей написал, сказал Генри. Руль он непринужденно держал одной рукой. Роскошным автомобилем брюнет управлял легко, не лихачил и скрупулезно соблюдал все правила дорожного движения. Лиза чувствовала себя комфортно. И не только потому, что сидела в дорожном автомобиле, она была полностью уверена в водителе.

– Прости ее. Она просто дурочка, – сообщила девушка, подумала и добавила: – И почему-то беспокоится за меня. Иногда чересчур сильно.

– Хорошо, когда есть тот, кто беспокоится, – сказал вдруг совершенно серьезно Генри. – Значит, она – настоящая подруга. Вы такие разные, – добавил он, включая тихую спокойную музыку.

– Да уж, как не поубивали друг друга – не понимаю.

– Дружба – занятная вещь. Иногда сходятся на первый взгляд совершенно несовместимые люди. Хотя, признаться, по твоим рассказам я совсем иначе представлял Александру, – признался Генри и спросил: – Как вы познакомились?

– На первом курсе в универе, подробностей уже и не помню. Вместе таскались, ой, то есть гуляли в одной компании, – поправилась Лиза, зная, что Генри предпочитает девушек культурных, а жаргон по-старомодному не уважает. Она коснулась его предплечья и, взмахнув длинными ресницами, сказала тоном пай-девочки: – Не обращай внимания на Алексу. Она всегда такая, правда. Но в глубине души она очень хороший человек.

«Стерва! Я ее завтра придушу, сразу этукую!» – подумала Лиза про себя мимолетом. Алекса и раньше не отличалась нормальностью, но сегодня у нее был просто фурор неадекватности!

– Как ты и сказала, она волнуется за тебя. – Мужчина ни словом, ни взглядом не дал понять, что прильнувшая девушка мешает вождению. Напротив, он чуть поменял положение, чтобы она прижалась еще сильнее. – И, может быть, немного ревнует. По-дружески. Вот и устроила мне показательную проверку, это ведь сразу видно.

Автомобиль замер на светофоре, дожидаясь, пока пешеходы проскочат на зеленый свет. Но Генри не смотрел на них, он повернулся к Лизе и проговорил тоном, от которого у любой представительницы слабого пола мысли в голове принимали фривольный характер, а ноги отказывались повиноваться:

– Но ты же не такая, как она, да?

Он приподнял очки-хамелеоны. При этом яркие, как кленовые листья, зеленые глаза чуть прищурились, и в их глубине вспыхнуло нечто странное, манящее, обволакивающее девушку невидимым теплом. А еще в этих глазах пряталось влечение – тягучее, как мед, и обещающее такую же сладость. Генри не позволял ему выбраться наружу, однако в какой-то миг стало понятно, что сдерживает он себя с трудом.

– Не такая, – как сомнамбула, проговорила Лиза и счастливо вздохнула. – Какая не такая? – спохватилась она. Подругу, несмотря на ее выходки, девушка любила и за глаза говорить о ней плохо не хотела.

– Не такая подозрительная, – ответил Генри спокойно. – Знаешь ли, я уважаю доверие. Ценю, когда мне доверяют. Ты мне доверишь?

Лиза усиленно закивала головой.

– Иначе и быть не может! – вполне искренне сказала она, не отрывая жадного взгляда от лица своего спутника. Хоть самооценка у нее и была довольно высокой, но Лиза до сих пор не верила, что такой невероятный мужчина достался ей.

Генри провел пальцами по ее скуле, нежно улыбнувшись, и у девушки застучало в висках. Губы от волнения пересохли. По спине поползли мурашки. Хотелось обнять мужчину, прижаться к нему всем телом и застыть так навсегда. Однако загорелся красный свет, Генри вновь стал смотреть лишь на дорогу, и романтический порыв Лизы отступил прочь, затаившись где-то в глубине души.

«Да что со мной такое». – Она едва не выругалась вслух, но вовремя спохватилась. Безупречные манеры ее кавалера заставляли девушку невольно подстраиваться и стараться вести себя если не так, то хотя бы близко к подобному.

Неужели это и есть любовь?..

Лизка сжала сумочку и скосила взгляд на Генри. Ей постоянно хотелось смотреть на него. Его облик, голос, манеры, сама аура притягивали неведомой силой. Лиза не могла играть с этим человеком, как с другими, когда она была ведущей, а они – ведомыми, готовыми ради нее на все. Теперь ей хотелось идти следом за ним...

– Скажи, Генри. – Девушке хотелось узнать о нем как можно больше. – Твое имя... Ты родился здесь или не в России? Оно ведь довольно необычное для нас, да?

– Мой отец родом из Англии, – последовал задумчивый ответ. – Так что он уговорил мать назвать меня именно так.

– Сейчас выяснится, что на самом деле ты лорд и у тебя есть знатная невеста, которую я захочу убить.

– Как мило. Ты готова убить за меня, Елизавета? Ты знаешь, что такое убийство? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Я смотрю сводки новостей, – буркнула девушка, ощутив себя несмысленной дурочкой, – и это была шутка.

– Извини, милая, – Генри провел рукой по загорелому плечу девушки, отчего та вздрогнула и едва не забыла, как дышать, – правда, прости, иногда я становлюсь занудным. Тебе не хочется ехать со мной на выставку?

Девушке хотелось ехать с ним в другие места: дорогой пафосный ресторан, номер люкс в фешенебельном отеле или на крутую виллу на Мальдивах. Но ради того, чтобы приручить такого роскошного кавалера, Лиза готова была терпеть и научные выставки, и все что угодно.

– Глупости, конечно, я не против такого времяпровождения. Это... познавательно. Мне в равной степени интересны как наука, так и искусство. Если бы не хотела – сказала.

Она почти не соврала. С бывшими кавалерами девушка не слишком церемонилась и являла собой эталон гламурной стервочки, требующей дорогих подарков в обмен на дозу внимания. Заикнись какой из них о желании съездить с ней на подобную выставку, и девушка

устроила бы ему «темную». Ее – красивую и желанную – возить по каким-то скучным тоскливым сборищам, когда можно со вкусом отрываться где-то в стильном крутом месте? Нет уж, увольте.

Но с Генри все получалось по-другому. Девушка сходила с ума от восхищения, находясь рядом с ним, и одновременно немного нервничала, отлично осознавая, что ее обычная манера поведения здесь не пройдет. Генри не такой, как все прочие ее кавалеры. С другой стороны, в ней пробуждался и азарт. О да, Лиза теперь отлично понимала слова матери: «Девочка моя, замуж надо выходить за мужчину, который никогда не нагрузит женщину такими глупостями, как денежные проблемы. Его задача – обеспечить тебе достойнейшую жизнь, а твоя – наслаждаться этой самой жизнью».

Мама всю жизнь искала такого мужчину, но так и не смогла найти. А у Лизы он просто на ладони! Может, вот он – ее шанс? За две недели знакомства Лизавета поняла, что ее новый кавалер, кажется, просто неприлично богат. При этом ведет себя весьма достойно, не злоупотребляет алкоголем, много времени проводит на работе и к тому же по-старомодному приличен – до сих пор не распускаял руки и был весьма и весьма вежлив.

И он не скрывал, что ему нужна спутница для долгой совместной жизни. Явно ведь намекал на готовность к женитьбе?

Лизка поерзала на белом кожаном сиденье. Перед Генри она была не слишком честна, что и говорить. Мужчина как-то обмолвился, что его спутница, скорее всего, должна быть из полной приличной семьи и уметь хранить верность. Дескать, подобные особы знают, что такое «настоящий домашний очаг» и так далее. Просто целую речь произнес, а Лиза слушала, слушала и все больше впадала в уныние. Она «пролетала» по всем статьям. Ее родители давно были в разводе, сама она не являлась образцом верности, да и к тому же два года назад «сходила замуж» на полгода.

Ничего этого Лиза рассказывать Генри не стала. А с ангельским выражением на лице поведала про крепкую семью и собственные моральные устои. Уже потом девушку начали грызть опасения, что ложь раскроется. Но природный пофигизм победил зачатки здравого смысла, и Лиза решила: она так влюбит в себя мужчину, что он простит ее, даже если обман раскроется. Уж в силе собственной неотразимости Лизка была уверена на семьсот процентов с хвостиком.

«Ты еще умолять будешь выйти за тебя замуж. Потребую кольцо от Тиффани из белого золота с бриллиантами и изумрудами, – говорила она сама себе. – А ты будешь счастлив его купить».

Они остановились на очередном светофоре. Генри, слушавший льющийся из колонок джаз, вдруг повернул голову и, сдвинув очки на лоб, внимательно посмотрел Лизке в глаза.

Его взгляд обволакивал, мягко обжигал и уносил в мечты, от которых внутри все сжималось от непонятного трепета, неясной тревоги и предвкушения чего-то невероятного.

Генри улыбнулся, и девушка завороченно потянулась к мужчине, забыв обо всем на свете, в том числе и о своих матримониальных планах.

Она потерлась носом о его гладко выбритую щеку, вдохнула едва уловимый терпкий аромат одеколона, осторожно поцеловала в скулу и застыла, прислушиваясь к своим ощущениям, – а внутри словно фейерверки взрывались. Придерживая руль, Генри свободной рукой обхватил затылок девушки, притянул ее к себе и очень мягко, но с неувовимо-будоражающей ноткой власти прикоснулся своими губами к губам Лизы. Та словно только этого и ждала, неистово отвечая на поцелуй, с трудом сдерживая себя.

Ее душа рухнула в темное озеро удовольствия. И не спешила выплывать.

Лиза потеряла счет времени, утратила чувство реальности и вообще на какое-то мгновение сошла с ума, отдавая всю себя этому невозможно опьяняющему поцелую. Он был изучающим и манящим. Обещал и предупреждал. Очаровывал. Нежные и одновременно

настойчивые мужские губы дарили намек на безудержную страсть и буквально поработали разум.

Лизка убила бы любого, кто посмел бы помешать им.

И ведь посмели. Загорелся зеленый свет, и Генри, скользнув прохладными губами по щеке онемевшей девушки, вновь переключил свое внимание на дорогу, как будто и не целовал ее только что. А Лиза еще пару минут сидела и тупо созерцала свои руки с безупречным маникюром. Они слегка подрагивали.

Ей не хотелось ни на какую выставку. Ей хотелось узнать этого мужчину в более интимной обстановке. Чтобы только он и она, и эти дурманные голову поцелуи, и объятия, и учащенное дыхание...

А ведь раньше она заставляла за собой побегать, прежде чем соглашалась на близкие отношения. Да и то далеко не всегда, чаще всего оставляя кавалера «в пролете».

– Я все гадала, каким будет наш первый поцелуй, – только и смогла произнести девушка.

– Каким его ни представляй, он всегда будет неожиданным, – откликнулся мужчина, сворачивая к стоянке перед огромным выставочным комплексом – сплошь металл и темное стекло, в котором отражались медленно плывущие по синему небесному морю кучерявые облака.

Припарковав машину в тени раскидистого дерева, Генри вышел первым и, открыв дверь, подал руку Лизавете. Ту, еще не отошедшую после поцелуя, от прикосновения к пальцам мужчины почти в буквальном смысле пронзило миллионами крохотных молний.

– Ты вкусная, – сообщил вдруг Генри и улыбнулся так, что девушке стало на мгновение не по себе. Это ощущение сразу же прошло, уступив место недоумению.

– Что? – не сразу поняла Лиза.

– Поцелуй. Он очень притягательный на вкус, сразу хочется повторить.

«Я – за!» – мысленно проорала девушка, готовая целоваться с Генри хоть до самого Апокалипсиса. Увы, мужчина, видимо, решил оставить «десерт» на потом. Учтиво предложив девушке руку, он направился к входу в здание, куда со всех сторон спешили люди.

Научно-популярная выставка с мудреным названием «Грани жизни. Ключи науки к тайнам бытия» проходила на презентационной площадке современного искусства в одном из павильонов выставочного комплекса «Буревестник» в самом сердце города. Лизка была здесь в прошлом году вместе с Алексой, компания которой участвовала в выставке инноваций в косметической индустрии. Помнится, тогда девушка стала обладательницей флакончика с невероятным тональным кремом... Жаль, он уже закончился. А еще хитрая Лизавета запомнила расположение павильонов и сейчас делала вид, что часто здесь бывает.

Над «Гранями жизни» работали ученые из ведущих институтов разных стран и талантливые художники, а потому выставка обещала быть интересной и познавательной. В программе значилось, что работать будут 9 площадок с самыми разными экспозициями, так или иначе затрагивающими жизнь и ее зарождение, а зрители смогут познакомиться с научными технологиями и с помощью компьютерной симуляции, и участвуя в опытах, и напрямую взаимодействуя с интерактивными экспонатами. Организаторы обещали, что скучно не будет ни детям, ни ученым.

Приобщиться к научному искусству желали многие, а потому даже в обеденное время четверга на парковке почти не было свободных мест. Впрочем, Лизе было все равно. Выставки и театры не слишком волновали ее сердце, наукой она интересовалась мало. Но с Генри готова была пойти куда угодно! Хоть на выставку, хоть в оперу, хоть на симпозиум ученых-физиков.

А вот Генри, похоже, был не чужд исследовательский дух. Выставка модного направления science art очень его заинтересовала. И когда мужчина рассматривал программку, кото-

рую вручили им вместе с билетами в форме браслетов-сувениров, то Лиза даже заревновала своего поклонника.

– Милый, – надула она губки. Впрочем, она точно знала, насколько сильно может капризничать в присутствии почти идеального мужчины, на которого возлагала большие надежды. – Милый, – повторила девушка, сильнее прижимаясь к Генри, – а куда мы сначала пойдем?

– Думаю, логично было бы следовать схеме выставки и вначале посетить площадку № 1, но меня слишком сильно привлекает представленный на седьмой площадке новейший непогружной нейроинтерфейс. Разработка петербургских ученых. Возможно – революционная.

– М? – подняла на него большие синие глаза девушка. Что такое нейроинтерфейс, она понятия не имела, однако, чтобы не казаться дурочкой, незаметно набрала это слово в поисковике мобильного.

Интернет, разумеется, все знал. «Нейрокомпьютерный интерфейс – физическая система, созданная для обмена информацией между мозгом и электронным устройством, например, компьютером», – поведал он Лизе. А Генри в это время самозабвенно продолжал, неспешно шагая вперед:

– Наука не стоит на месте, и в этом ее прелесть. Раньше ученые расшифровывали образы, возникающие в голове при просмотре, скажем, картинок, с помощью магнитно-резонансной томографии. Затем в Токийской лаборатории нейрофизиологии создали технологию, которая впервые позволила проецировать субъективные визуальные образы на экран. А теперь, возможно, с помощью открытия, представленного на седьмой площадке, будет открыта дорога к телепатии. Вы сможете читать мысли, более того – записывать. Привлекательно звучит, да, Елизавета? Впрочем, до этого еще далеко, но начало положено. И на это начало я хочу взглянуть.

– Мы? А ты не хочешь читать мысли? – удивилась Лиза. Ни в какую телепатию она не верила. Если и будут созданы подобные технологии, то лет, скажем, через двести.

– А я умею, – совершенно серьезно заявил Генри и, видя, как приподнялись брови девушки, рассмеялся. – Шучу, дорогая.

Он положил руку на плечо девушки – холодные бледные пальцы касались обнаженного загорелого плечика. Лизу пробрала дрожь. Ей вновь захотелось немедленно поцеловать этого мужчину – на виду у всех этих людей, неспешно прогуливающих по холлу центра современного искусства. Пусть видят, что он – ее!

– Мы находимся в замечательном времени, – мечтательно улыбнулся вдруг Генри, не замечая, каким голодным взглядом смотрит на него девушка. – В то время, когда научная фантастика становится частью реальности. Думаю, новый научно-технический прогресс не за горами. Я верю в экспоненциальный рост этого прогресса. Конечно, все будет тормозиться капиталистами. – Это слово резануло Лизке по ушам – его часто повторял престарелый дядя, ярый сторонник коммунизма и бывший преподаватель марксизма в уважаемом вузе. – Но результаты будут впечатляющими. Что ж, пошли, моя прекрасная спутница, – подставил он свой локоть девушке. – Честно сказать, меня интересует еще и зал № 9 – гениальная инженерия завораживает.

И они неспешно пошли на выставку.

Лиз гениальная инженерия была побоку, зато взгляды, которыми одаривали их и мужчины, и женщины, кружили голову. Парой они с Генри были видной: представительный обеспеченный молодой мужчина с благородным лицом и стройная стильная девушка с влюбленными синими глазами и длинными каштановыми волосами.

Выставка показалась Лизавете нудной. Генри же, видимо, не на шутку увлекался наукой, а потому на каждой площадке задерживался надолго, разговаривая со зрителями и

живо интересуясь экспонатами. В эти минуты он был похож на мальчишку, которому показали совершенно новые, уникальные игрушки. Наибольший восторг у него вызвал тот самый нейроинтерфейс, похожий на наушники с огромным количеством проводков и электродов. Суть его заключалась в том, что он мог уловить образы, пришедшие в голову человека, и вывести их на экран. Пусть образы были нечеткие, размытые, но понятно было, что испытуемый думает о человеке или, скажем, о машине, а не о чем-то другом.

Прибор мог протестировать каждый желающий – даже очередь возникла, но Генри не участвовал, а наблюдал, живо общаясь с двумя молодыми мужчинами в белых халатах – изобретателями.

– Это всего лишь пробник, этакая пилотная версия, – говорил один из них, размахивая руками, – высокий и смешной, похожий на большого ребенка с залысинами. Генри он, видимо, принял за коллегу. – Но какие у него перспективы! Вся наша лаборатория трудится над этим проектом день и ночь! Однажды мы сможем не только читать мысли, записывать их, но и сумеем посылать сигнал в голову! – Он начал сыпать профессиональными терминами. Лизе казалось, что он закидывает ими, как гранатами, но Генри всю эту научную чушь понимал и в конце, улыбаясь, протянул вдруг ученому визитку со словами:

– Думаю, рад был бы пообщаться с вами еще раз.

Взглянув на нее, мужчина просиял и радостно пожал руку Генри, заверив раза три, что обязательно позвонит.

Уже позднее на вопросительный взгляд Лизы темноволосый мужчина прямо ответил:

– Вкладывать средства в перспективные проекты – мое хобби и работа одновременно.

Девушка улыбнулась в ответ, отметив про себя, что балдеет от мужчин, которые умеют зарабатывать деньги.

Сама она, кстати говоря, в тестировании нейроинтерфейса поучаствовала, и когда на ее голову надели обильно смоченную конструкцию и попросили подумать о чем-либо конкретном, на экране появился нечеткий образ мужчины, в котором донельзя удивленная Лиза разглядела Генри. Тот картинку на экране тоже видел, однако комментировать никак не стал. Только лишь довольно улыбнулся и, положив девушке руку на талию, повел дальше.

Генная инженерия, искусственный интеллект, код ДНК – все это искренне интересовало ее спутника. Саму же девушку интересовало, каким Генри будет, если снять с него, допустим, рубашку. От собственных мыслей у нее сладко замирало сердце.

«А вдруг я по-настоящему влюбилась?» – подумала она, когда они выходили с очередной площадки.

Генри в этот момент обернулся на нее и внимательно посмотрел.

– Что? – не поняла Лиза. Ее мучил только один вопрос – ну когда же он повторит свой эксперимент с поцелуем?!

– Мне показалось, что ты что-то сказала, – произнес мужчина. – Я ошибся? Извини. – И он аккуратно заправил выбившуюся каштановую прядь ей за ухо. – У тебя чудесные волосы, – добавил он с нежностью, и девушка поняла, что от такого простого комплимента у нее заалели щеки. Раньше с ней такого не бывало.

На самой большой площадке, посвященной гипотезам образования жизни на Земле, они вновь застряли надолго. Там показывали 3D-фильм на огромном изогнутом дисплее, и зрители, надев специальные очки, с удовольствием внимали происходящему, даже Лизе понравилось. Генри же критиковал каждую из гипотез, и хоть голос его был негромок, но так притягателен, что волей-неволей к нему прислушивались остальные посетители, в том числе и группа школьников во главе с грузной благообразной учительницей, хотя мужчина в очках вроде бы просто делился своими мыслями с Лизой.

– Биохимическая революция, – потирая подбородок, говорил он. – Я во многом вижу логику, но как же объяснить появление способности живых систем к самовоспроизведению?

Далее последовала короткая, но умная речь, насыщенная незнакомыми для Лизки словами: «коацервация», «аминокислоты», «биомолекулы», «нуклеотиды», «протобиониты», «первичный бульон». Девушка лишь машинально кивала, даже не пытаясь вникнуть в речь мужчины. Один из зрителей пустился было в дискуссию с Генри, но тот с изящной легкостью парировал на все выпады, а закончил так:

– С помощью биохимической эволюции не объяснишь такой резкий скачок от неживого к живому и то, что без реконструкции эволюции механизма наследственности объяснить процесс этого самого скачка невозможно. Помнится, Фред Хойл говорил, что эта теория «столь же нелепа и неправдоподобна, как утверждение, что ураган, пронесшийся над мусорной свалкой, может привести к сборке “Боинга-747”».

Смотритель площадки кисло посмотрел на посетителя, но ничего решил не говорить. Фильм продолжал идти дальше.

– Теория панспермии? – позволил себе негромко рассмеяться Генри, когда речь зашла об альтернативных гипотезах. – Глупости. Давно доказано, что органические молекулы в метеоритном веществе не обладают свойством хиральной чистоты, а значит, не имеют биологической природы.

– Ну какие слова вы произносите! – возмутилась учительница, неправильно расслышав слово на букву «х». – Тут же дети!

– Слово «хиральность» произошло от древнегреческого слова «рука», – спокойно пояснил Генри, который, казалось, был глыбой невозмутимости. – Это свойство молекулы не совмещаться в пространстве со своим зеркальным отражением. Фундаментальнейшая из характеристик всего живого.

Своей критикой он все больше и больше выводил из себя того самого зрителя – длинного тощего мужчину с всклокоченными волосами и огромными линзами очков. Лиза таких пренебрежительно называла ботаниками. А ботаников она не любила.

– И какую же вы гипотезу поддерживаете, позвольте спросить? – сощурился ботаник. Кажется, теория панспермии была его любимицей.

– Позволю, – весьма охотно отвечал Генри. – На этот счет у меня есть вполне стойкая позиция.

– Ну? – подался вперед ботаник с огромным интересом. – Делитесь же!

– Я думаю, что жизнь создал Бог, – просто отвечал мужчина. Лицо у ботаника пошло красными пятнами. Ему, наверное, казалось, что наглый посетитель шутит над ним. Впрочем, Лизе тоже так показалось. Она очнулась от своих дум и с удивлением уставилась на Генри. Честно говоря, ей казалось, что он, будучи человеком эрудированным, завернет сейчас целую лекцию о создании жизни с тысячами доказательств.

– Мы на научной выставке! – взвизгнул ботаник, которому такая крамольная мысль и в голову не приходила.

– Научно-популярной, – мягко поправил его Генри.

– Да не имеет значения! Вы пришли в обитель науки и несете чушь! – возмутился ботаник, которому была нанесена рана в самое сердце. – Мы живем в прогрессивном веке, в веке технологий и новаторства! Скоро человечество побывает на Марсе и создаст искусственный разум, а вы... Вы... Вы выступаете за креационизм!

– Таково мое мнение, – твердо сказал Генри. – Возможно, однажды вы согласитесь со мной.

– Вы напоминаете мне Берлиоза и Воланда из первой главы «Мастера и Маргариты», – хмыкнул второй зритель, не участвующий в дискуссии.

Генри тихо рассмеялся.

– Надеюсь, обойдемся без Аннушек.

– Но-но! Я головы лишаться не собираюсь, – криво улыбнулся ботаник, знакомый с бессмертным произведением. – А может быть, вы мне тоже предсказание сделаете? Как Воланд Берлиозу про масло, которое уже разлито?

Генри с недоумением посмотрел на ботаника, едва заметно потянул носом и, широко улыбнувшись, выдал:

– Птицы уже летят.

– Чего? – не понял ботаник. – Это вы на фильм Хичкока намекаете?

– Ни в коем случае, – покачал головой Генри.

– Что за глупости тогда говорите... А доказательства? – спохватился ботаник. – Доказательства у вас есть, что жизнь сотворил этот ваш Бог?

– Не мой, – строго взглянул на него Генри. – Мы – его дети. Доказательство? Весь мир – доказательство.

– Да вы что! Вы, случайно, не духовную семинарию заканчивали?

– Нет. По образованию я юрист, но когда-то был примерным прихожанином. – Кажется, разговор доставлял Генри удовольствие. Лизе показалось, что мужчина смотрел на ученого по-дружески свысока. Как будто бы тот – совсем зеленый юнец, многого еще не понимающий. Ботаник же, истинный раб науки, был просто возмущен! Он уже приготовился к новой длинной полемике, дабы мастерски отразить все аргументы противника со смазливой физиономией, как тот выдал какую-то антинаучную чушь.

– Здорово ты его уделал, – улыбнулась Лиза, когда они покинули площадку. – Я думала, после твоих слов он просто взорвется. – Она хихикнула, уткнувшись носом в плечо мужчины.

– Я не уделывал, – сказал Генри, глядя в потолок, словно мог видеть в нем небо. – Я действительно верю в то, что мир создан Богом. Или мне просто хочется в это верить.

В голосе его прозвучало что-то странное, похожее на обреченность, впрочем, Лиза не придавала этому значения. Ей было плевать на эти пустые философские разговоры. Вот только когда она уже садилась в машину Генри, оглянувшись на какие-то возмущенные вопли, увидела, как неподалеку на стоянке скачет вокруг своей машины тот самый ботаник и что-то гневно кричит.

Его авто самым бессовестным образом обгадили голуби.

– Так тебе и надо, – пробормотала Лизка мстительным тоном, откидываясь на спинку сиденья. Посмотрев на чуть улыбавшегося Генри, девушка поинтересовалась: – А ты завтра свободен?

– Вторая половина дня свободна, и я могу быть в твоём распоряжении.

– Отлично! Я тут подумала про Александру. Знаешь, мне кажется, вам просто нужно лучше познакомиться, – улыбнулась Лиза, подумав, что ей совсем не хочется, чтобы на свадьбе жених и свидетельница ненавидели друг друга. А о свадьбе с этим мужчиной она уже грезил!

– И что ты предлагаешь? – усмехнулся Генри.

– Я предлагаю вместе поужинать.

– Мне кажется, сегодня у нас не получилось это сделать, – благоразумно заметил мужчина.

– Не получилось сегодня, получится завтра, – лучезарно улыбнулась девушка. – Надо сходить в ресторан. А, нет, лучше поехать на пикник! Знаю одно местечко у реки, там берег песчаный есть. Солнце, вода – что может быть лучше?

Генри промолчал. Кажется, перспектива жариться на солнышке его не радовала.

– Ты возьмешь своего друга, – продолжала мечтательно Лиза, уже видя себя на пляже в новеньком купальнике, который сразит Генри наповал. – Он отвлечет внимание Алексы. Мне

как раз кажется, что ей нужно мужское внимание. И влюбиться. – Она хихикнула. Настроение у девушки было великолепное.

– Мне кажется, если я не понравился Александре, то и мои, хм, друзья не придутся ей по вкусу.

– Стерпится – слюбится, – пообещала Лиза кровожадно, вспоминая выходку подруги. – Хотя ты прав, Алекса же не в себе, то есть эксцентричная особа. Может, нам втроем где-нибудь посидеть? Или погулять. По парку, например, как думаешь?

– Планетарий, – предложил Генри и, пока шатенка не успела заявить, что пляж лучше какого-то там планетария, вдруг спросил тихо, с непонятной грустью в голосе: – Елизавета, можно я тебя обниму?

– Можно, – прошептала девушка, и мужчина осторожно прижал ее к себе. А она, положив голову ему на грудь, блаженно вздохнула.

Голова у нее приятно кружилась.

На прощание Генри, как обычно, поцеловал ее в щеку, словно забыв об их чувственном неожиданном поцелуе в машине, и Лиза мучилась всю ночь – ей снились поцелуи, объятия и прочая романтическая чепуха, которая грозила перерасти в нечто большее. Но только Генри уронил ее на мягкую кровать во сне, как она проснулась с гулко бьющимся сердцем и болезненным желанием как можно быстрее встретиться с этим мужчиной.

* * *

На следующее утро Лиза позвонила подруге. Вначале она долго выпытывала у нее, почему она так придиралась к Генри, на что получила маловразумительный ответ: «Мне не нравятся такие, как он. Этот Вики-лорд тебе не подходит», а после пригласила Александру в планетарий. Правда, sluкавила и не сказала о том, что будет там вместе с Генри, решив: пусть для Алексы это останется сюрпризом.

– А ты уверена, что нам нужно туда тащиться? – со вздохом спросила рыжеволосая девушка. У нее было так много работы, что свободное время она предпочитала проводить дома.

– Уверена! – отрезала Лизка. – Встречаемся сегодня в семь вечера.

– За тобой заехать? – в голосе Александры слышалась откровенная усталость, но Лиза эгоистично решила сделать вид, что ничего не заметила.

– Нет, приезжай сразу к месту встречи.

Алекса и приехала. Да не одна, а вместе с молчаливым, кукольным на вид мальчиком лет двадцати трех: высокий, худощавый, с пепельно-русыми волосами, впалыми щеками и высокими скулами, он напоминал модель с андрогинной внешностью.

Все четверо встретились перед входом в здание планетария, увенчанное огромным куполом.

– О, – просияла Лизка, с любопытством глядя на кукольного мальчика, стоящего за спиной подруги. – Ты со спутником? Чего ты не говорила, что у тебя кто-то появился? – бесцеремонно пихнула она Алексу в бок.

– Совсем того? – отвечала та, морщась и с неприязнью взирая на Генри. – Никто у меня не появился. Его зовут Юрий, и я привела его к тебе. Юра, это моя подруга Лиза, я рассказывала тебе про нее.

Это прозвучало с каким-то вызовом.

Парень дежурно улыбнулся девушке и с немим вопросом в глазах взглянул на Генри, не понимая, кто это. Мужчина и бровью не повел, с каким-то непонятным интересом разглядывая Александру.

– Очень приятно... В смысле – ко мне? – не поняла Лизка и, извинившись перед мужчинами, оттащила Алексу в сторону. – А ну-ка поясни мне, детка, что происходит? – горячо зашептала она. – Кто это такой?

– Славный юноша. Молодой, перспективный, обеспеченный, вроде бы хорош собой, не дурак, – стала перечислять все достоинства паренька Алекса. – Я решила, что он подходит тебе по всем параметрам. Его папаша – бизнесмен, между прочим.

– А мне что с того? – взирала на нее волком шатенка. – Совсем, что ли, милая моя? Зачем ты привела мне парня, когда я тут и так со своим парнем?

– Дядей, – машинально поправила ее Алекса. – На парня твой англосакс не тянет.

– Замолчи! – прикрикнула на нее Лиза, возмущенная до предела. – Как ты себя ведешь? Что обо мне подумает Генри?

– Сама виновата, – завелась Алекса. – Если бы ты не наврала мне, я бы Юрия не притащила!

– Я не врала! Я недоговорила! Да потряси ты своим котелком с гусиным бульоном, – явно сделала отсылку к головному мозгу подружки Лизавета. – На кой ты вообще решила, что мне кто-то нужен? Ты ведь знала о Генри!

– Он мне не нравится. Ты ведь знала об этом, – парировала Алекса.

– Я от тебя с ума сойду. Я тебя пригласила, чтобы вы с Генри пообщались. Он бы тебе понравился! Где ты этого Юрия вообще раньше прятала? – поинтересовалась Лизка. – Я же тысячу раз спрашивала – нет ли у тебя крутых знакомых мужиков? И ты всегда отнекивалась!

– Этого Юрия я через знакомых достала. Впрочем, неважно, пошли обратно, а то мне перед Юрой стыдно.

Однако никакого Юры уже и не было – Генри стоял в полном одиночестве, изредка поглядывая на наручные часы, плотно обхватывающие широкое запястье.

– А парень куда ушел? – удивленно спросила Лизка. Мужчина слегка пожал плечами.

– Кажется, вспомнил, что дома его ждет неотложное дело, – мягко ответил он, слегка приобняв Лизу за талию, подчеркнутую тонким синим ремешком, контрастирующим с нежно-кофейным воздушным платьем.

Алекса скрипнула зубами от злости, понимая, что ее план с треском провалился.

– Да? – сделала вид, что огорчилась, Лизка. – Ну что ж, тогда пойдем втроем. Надеюсь, сегодняшний вечер для нас пройдет плодотворно! – сладко улыбнулась она. – И вы подружитесь. Правда? – с неприязнью взглянула она на подругу.

– Конечно! – излишне весело отозвалась та, обмахивая себя рукой. – В хороших дружеских беседах начинают всегда с разговоров о погоде. Сегодня просто ужас как душно, а солнце как пекло днем... Говорят, сердечникам и пожилым в такую погоду нелегко. Генри, вы валидол с собой носите? А в каком кармане? А то у вас удар случится, а мы и знать не будем, куда руки совать... Что? – поймала на себе осуждающий взгляд Лизки рыжеволосая. Девушка незаметно сжала ее запястье – до боли, показывая тем самым, что не стоит говорить таких глупых вещей.

– Боюсь, я вас разочарую, Александра, – отвечал Генри, открывая перед девушками дверь в планетарий. – Я не пью валидол.

– Что-то посильнее? – чересчур удивленно спросила девушка. – Проблемы с сердцем? Ой, это, наверное, личное, – сказала она извиняющимся тоном, в котором, впрочем, проскальзывала язвительность. – Моя бабушка тоже никогда не рассказывала, что у нее проблемы с сердцем, а потом в один день... Впрочем, не будем о грустном.

– Давайте поговорим об искусстве, – предложила Лизавета, цапнув Генри под локоть. О своем плане она уже жалела. – Или о планетарии. Я читала, что он был основан еще в пятидесятые годы. А до этого тут был астрономический павильон, который еще перед войной, по-моему, построили.

– Да ты что? – делано удивилась Александра. – Генри, это действительно так?

– А почему ты спрашиваешь у него? – заподозрила неладное Лизка.

– Ну, наверное, Генри был еще на открытии. Или в те годы вы жили не здесь? – мило улыбнулась рыжая.

– В те годы, дорогая моя дурочка, Генри еще не родился!

– Да? – сделала вид, что озадачилась, Алекса. – Ах, извините, Генри!

Казалось, темноволосого мужчину эти слова и вовсе не задевали. Зато, оказалось, он уже купил билеты, и это заставило Алексу скрипнуть зубами: она не любила, когда кто-то платит за нее – особенно те, кто ей не нравится.

Впрочем, то, что Генри заранее озаботился билетами, было ему только в плюс, да и не только ему, но и обеим подругам. Потому что оказалось, все билеты распроданы заранее. Желающих насладиться невероятным звездным зрелищем было предостаточно.

В планетарии даже скептически настроенной ко всему Лизавете понравилось невероятно. Сначала троица побывала в астрономическом музее, после посетила звездный зал, в котором демонстрировали интересный полнокупольный фильм, затем пошли на площадку с телескопами. Вид из них Лизку восхитил настолько, что она даже на несколько минут забыла о Генри. Тот, Впрочем, явно не желал, чтобы девушка выпускала его образ из мыслей. Он то касался ее предплечья, то дотрагивался до волос и даже словно бы случайно – хотя нет, это и была случайность, задел тыльной стороной ладони ее грудь. Случайное прикосновение, но Лиза даже выдохнуть забыла, а все созвездия и планеты разом исчезли из ее головы.

Генри стал ее личной путеводной звездой.

В какой-то момент Лиза поймала себя на мысли, что нестерпимо хочется оказаться с ним наедине. Генри при этом посмотрел на нее таким взглядом, что она едва не растаяла от нежности.

– Тебе тут нравится? – спросил он, пока Алекса разглядывала небо.

– Нравится, – отвечала девушка, не в силах оторвать взгляд от его лица. – Но еще больше мне нравится, что ты рядом.

Генри поцеловал ее в уголок губ, и Лизе стоило большого труда не наброситься на него с поцелуями.

И все было бы очень здорово, но... Однако все это время Александра не унималась. Она то и дело вставляла разные фразы вроде: «Генри, вы наверняка помните, что когда люди верили, будто земля стоит на трех китах...», или «Генри, а вы встречались с Лениным?», или «Генри, кто вам больше импонировал – Николай Второй или Александр Третий?»

Это становилось не смешно.

Нагулявшись по планетарию, они зашли в кафе, стилизованное под этакое космическое судно в серебряном убранстве. Там Александра не согласилась переходить на «ты» с Генри, ибо, по ее словам, «старших нужно уважать и не тыкать им». Эти слова окончательно разозлили Лизку, которая поняла, что от ее плана сблизить этих двоих толку никакого нет и не будет. Странно еще, что Генри не вышел из себя. Будь она на его месте, уже поставила бы нахалку на место!

А потому, улучив момент, Лизка утащила Алексу в дамский туалет, якобы припудрить носик.

– Саша, мне с тобой нужно серьезно поговорить, – начала она, сверля подругу тяжелым взглядом.

– Поговори. Ох, ты называешь меня Сашей? Если кто-то называет меня Сашей, мне становится страшно, – улыбнулась рыжеволосая, доставая помаду и подкрашивая губы.

– Ты моя лучшая подруга, но Генри... Генри – тот, на кого я возлагаю большие надежды. Я бы хотела связать с ним свою жизнь. Быть с ним. Он – мой идеальный мужчина. А ты что делаешь? – прямо спросила Лиза.

– А что я делаю? – провела алой помадой по губам Алекса.

– Ты всячески ему хамишь и пытаешься выставить меня душой! – почти выкрикнула Лиза.

– Просто я желаю тебе счастья! – вспыхнула Алекса, злясь на то, что не может сказать всей правды. Она резко обернулась на подругу. – Посмотри на него внимательно! Кто он такой? Богатенький мэн, которому нужны одноразовые куклы! Пойми ты это и просто брось его!

– У тебя мозг, как хлебушек. Мягонький, – скрипнула зубами от злости Лиз.

– Ну, так съешь, ты же постоянно мне мозг кушаешь, – с досадой отвечала подруга.

– Ха! А ты его профессионально выносишь, компенсируя, видимо, свое одиночество! – выпалила Лизка и, увидев, как сузились глаза Алексы, прикусила язычок, пожалев о своих словах.

– Что ж, я поняла твою позицию, – на удивление спокойно отвечала рыжеволосая. Договорить до конца она не успела – зазвонил ее телефон. Алексу жаждали видеть на работе: возникли проблемы с одним из опытов.

– Ладно, мне и правда нужно уезжать. Хорошо проводи время с лордообразной Википедией.

– Ты злишься, да? – вздохнула Лиза, которая хоть и была особой эмоциональной, но отходила быстро.

– Нет, глупая. Все в порядке.

С этими словами Алекса обняла подругу и первой вышла из туалета, лихорадочно размышляя, как отвадить от нее этого нового кавалера.

А в коротком коридорчике, рядом с кафе, ее ждал сюрприз в лице самого Генри. Мужчина стоял, подпирая плечами светлую стену, и не сводил взгляда с Александры – сейчас он был без очков. Та незаметно сглотнула и вздернула подбородок, стараясь не замечать, как неприятно сжимается что-то внутри.

– Я бы на вашем месте ушла.

Генри смерил девушку таким взглядом, что она ощутила себя неоперившимся писклявым птенцом. Неприятное ощущение, пугающее.

– Я ценю смелость, – сказал он и улыбнулся.

– Рада за вас, – буркнула рыжая.

– Но недолюбливаю глупость, – продолжал мужчина. – Но списываю все на нетерпеливость, присущую столь юным сердцам, как ваше.

– Что вы имеете в виду? – спросила девушка, по рукам которой вновь поползли мурашки. Вот же сволочь. Сильный.

– Александра, прежде чем что-то делать, стоит думать. Иногда – много думать. – Голос мужчины был спокоен, а вот зеленые глаза нехорошо блестели. – Прежде чем разговаривать с кем-то неподобающе, стоило бы навести о нем справки. Как считаете?

Алекса похолодела от иррационального чувства страха, но вот голова ее пылала от гнева.

– За этим дело не станет, – припечатала она его, – а вас я пока просто, но очень настоятельно предупреждаю: отстаньте от Лизы.

– Мне определенно нравятся порывы молодых сердец, – задумчиво протянул Генри, и в его голосе рыжей почудились легкие, почти невесомые нотки восхищения. – Глупость, порывистость – это все так искренне.

– Запомните, Лиза – моя подруга. И я сделаю все, чтобы защитить ее от такого, как вы.

– Похвальное стремление к дружбе. Мы еще увидимся, Александра, обещаю.

С этими словами Генри развернулся и ушел в сторону «комнаты для джентльменов». Алексе оставалось лишь растерянно ругнуться ему в спину и выйти из кафе: дела и правда

требовали ее присутствия. А что касается этого придурка – она узнает, кто он такой. Или кого из себя строит.

Девушка спешно шагала к своей машине – оливкового цвета «Chevrolet Spark», обдумывая план действий. Уже на стоянке она оглянулась, и на миг ей показалось, что в далекой пестрой толпе людей, спешащих в планетарий, мелькнула ее синеглазая подруга, но в другой одежде, однако удивленной Александре закрыл обзор какой-то высокий мужчина, а когда он отошел, никакой Лизки в толпе и не было.

* * *

Так по-дурачки прошедшее свидание втроем все же утомило Лизу. На обратном пути девушка не выдержала и задремала под негромкую музыку. И едва не подскочила, когда почувствовала прикосновение к щеке чего-то прохладного.

– Прости! – Она увидела, что это Генри наклонился к ней и мягко провел пальцем по коже до самой скулы. – Случайно заснула...

– Все нормально, вечер и правда выдался бурным. – Брюнет отодвинулся, и Лиза выпрямилась, от души надеясь, что во время сна не захрапела и не пустила слюну. Рядом с таким мужчиной нельзя расслабляться. А то глазом не успеешь моргнуть – уведут.

Девушка расправила платье и огляделась. Оказывается, они уже приехали к ее дому. Генри припарковал автомобиль в глубине заросшего деревьями двора, даровавшими днем спасительную тенистую прохладу.

– Это ж сколько я спала? – ужаснулась девушка, видя, что день уже клонится к закату. Налитое жаром солнце медленно опускалось за крыши соседних домов, заливая двор оранжевым светом. Видно было, как подъезжают и подходят вернувшиеся с работы люди, а из подъездов выходят те, кто в самую жару отсиживался дома.

– Не так много, мы довольно быстро доехали. Пробок сегодня немного. – Генри задумчиво смотрел на солнечный диск сквозь солнечные очки. – Все, кто мог, уехали за город, там хоть немного, но прохладнее.

– М-м-м, – неопределенно промычала девушка, прикидывая, сказать мужчине свое мнение относительно выездов на природу или лучше не стоит.

– А ты городское дитя, верно?

Что-то в этой фразе резануло Лизкин слух. Но она так и не поняла, что именно.

– Я не любитель этих поездок с палатками, ночевками, кострами и так далее. Нет, знаешь, мне природа нравится, но так, издалека. Меня как-то Алекса позвала в поход на три дня, это было ужасно! – В глазах Лизы отразился искренний ужас при одном только воспоминании о пережитом. – Ох, Генри, мне жаль, что прогулка вышла такой дурацкой. Я не знаю, что нашло на Алексу. Обычно она куда более вменяемая.

Генри искренне расхохотался.

– Да уж, это было забавно. – Он снял очки и потер покрасневшие глаза. – Твоя подруга... Интересная и необычная девушка, явно лишенная инстинкта самосохранения.

Лиза собралась было ответить, но тут ее телефон заиграл что-то яркое и динамичное – подобная музыка, кажется, не нравилась Генри, и он едва заметно поморщился.

На дисплее высветилось «мама».

– Извини. – Девушка торопливо прижала мобильник к уху. – Привет, мам. Да, я не дома. То есть почти дома. Ну... Так, была на свидании. Подожди секунду.

Она чуть виновато посмотрела на Генри и прошептала:

– Это надолго. Мама очень болтливая. Я уже большая девочка, но она все равно пытается меня контролировать.

– Родители – это святое. До скорой встречи, Елизавета. – Мужчина, как всегда, был воплощением галантности. Он молча помог девушке выйти из машины и, коротко, но чувственно поцеловав на прощание так, что у Лизы закружилась голова, уехал прочь.

– Мама, – девушке пришлось откашляться, прежде чем к ней вернулся нормальный голос, – слушай, этот Генри – он просто срыв башни, честное слово! Что? Нет, сегодня мы были в планетарии, а вчера мы были на какой-то дурацкой научной выставке, он там с кем-то договорился насчет инвестиций. Короче, вкладывает свои деньги в перспективные предприятия. Это его работа. Да ладно, зачем в подробностях-то? Да? Ну не знаю, с виду он просто мегаупакован. Но да, ты права, надо расспросить его получше, а то он только меня расспрашивает, а сам от ответов уходит. Но он такой кла-а-ассный, мам...

Обсуждая с матерью «своего» Генри, Лиза поднялась домой и буквально упала на диван. Все же прогулка по выставке ее изрядно измотала физически и морально. Пообещав матери заехать на днях в гости, девушка отбросила мобильник в сторону и тупо уставилась в белоснежный потолок, по периметру которого красовались точечные светильники. Потом кое-как встала и пошла в ванную, на ходу стягивая сарафан. Ей хотелось забраться под прохладный душ, чтобы смыть с себя пыль и жар города.

А заодно немного успокоиться после поцелуев Генри.

Впрочем, ей этого сделать не удалось, и, стоя под прохладными струями воды, которые бережно ласкали кожу, девушка только и думала, что о своем мужчине. О том, какие у него губы, руки, как манящ его голос, бережны прикосновения...

Она бы с удовольствием пригласила Генри на кофе, но ведь он наверняка воспримет это неправильно – он ведь такой приличный.

«Приличный и горячий», – мрачно подумала Елизавета, в который раз вспоминая их первый неожиданный и волшебный поцелуй в машине. Она бы многое отдала за его продолжение прямо сейчас, тут, в тесной душевой кабине.

Лизка закусил губу, прижавшись влажной спиной к запотевшему стеклу. Одна рука ее словно сама по себе скользнула по шее к груди, на которой кольцами лежали мокрые темные пряди. Ладонь второй же, проведя по плоскому животу, опустилась ниже.

Девушка, запрокинув голову и касаясь макушкой стекла, едва слышно простонала, в красках представляя, что это Генри ее ласкает и это его нежные руки касаются ее кожи.

Правда, сладким грезам быстро пришел конец – по каким-то неведомым, но постоянным причинам вода из душа вдруг пошла совершенно холодная и льдом обожгла разгоряченную бронзовую кожу. Девушка дернулась, моментально выключила ее и проорала ругательства, в равной степени адресованные коммунальщикам и соседям.

Освежившись, Лизка, наплевав на приличия и одежду, прямо из ванной комнаты направилась к холодильнику. Увы, оказалось, что она забыла заглянуть в магазин и купить мороженого и холодных напитков. Пришлось набирать воды из фильтра и кидать в нее кубики льда. Их в морозилке всегда было навалом.

«А Генри, видимо, еще хуже переносит жару», – подумалось ей мельком, когда она блаженно лежала поперек широкой кровати и не спеша пролистывала новости в планшете. Ее новый мужчина за весь день ни разу не прикоснулся к еде, зато постоянно пил буквально ледяную воду.

«Хоть что-то у них с Алексой общее», – подумала девушка, вспомнив, что подруга тоже потребляет холодную воду в невероятных количествах. И уверяет, что таким образом меньше ест и не поправляется. Хотя, по мнению Лизки, рыжей не нужны были никакие диеты.

В новостях девушка наткнулась на свадебное фото одноклассницы, недавно вышедшей замуж. Разглядывая счастливую невесту в белоснежном наряде, Лиза только вздохнула и написала ничего не значащее поздравление под снимком. Ей тоже хотелось замуж – не

так, как тогда, на полгода, а надолго, и чтобы рядом был настоящий мужчина, а не мажор с завышенным самомнением. Такой мужчина, как Генри, например.

«Мама права, мне надо узнать о нем больше, – подумала она со вздохом. – Мы уже две недели знакомы, а я только в курсе его имени, примерной работы и того, что он невероятно умный. М-да, маловато будет. Надо будет развести его на откровенный разговор. Вдруг окажется, что вся его крутизна – это так, пшик один». Лизка подняла взгляд от планшета и уставилась в окно, за которым вечернее солнце старательно окрашивало небо в золотисто-розовые оттенки. Не надо «пшик», Генри ей слишком сильно понравился.

Девушка чуть улыбнулась, вспомнив их знакомство. В тот вечер она с двумя приятельницами сидела в недавно открывшемся модном ресторане с видом на речную гладь. Генри подошел к их столику и пригласил Лизавету на танец, ввергнув всех троих в немой восторг своими манерами и внешностью. Шатенка же, приняв приглашение, с трудом удержалась, чтобы не показать язык своим «заклятым» подругам.

После танца, галантно поцеловав Лизавету руку, Генри отвел ее обратно к столику, по пути узнав номер мобильного девушки. Очарованная пристальным восхищенным взглядом зеленых глаз мужчины, шатенка покорно продиктовала цифры. И, лишь вернувшись домой, досадливо подумала, что надо было «поиграть» с новым поклонником, а не сдавать так быстро позиций.

С тех пор он завладел ее сердцем полностью и безраздельно.

Остаток вечера прошел мирно. Лиза попыталась дозвониться до Алексы, к которой у нее было множество претензий, но у той телефон оказался временно недоступен. Девушка поговорила по телефону с другой приятельницей, обсудила с ней последние стильные вечеринки города, посидела в Интернете и через два часа поняла, что ей ужасно скучно. Ехать в ночной клуб было лень, звать кого-то в гости не хотелось, а сидеть одной становилось тоскливо. Зараза Алекса шлялась где-то и продолжала быть вне зоны доступа.

Лизавете хотелось увидеть Генри, услышать его приятный голос и снова потерять голову. Но звонить первой она считала не комильфо.

«Хотя мы же как-то спешно сегодня расстались из-за маминого звонка. – Девушка лежала на кровати, задрав ноги к потолку и болтая ими. – Значит, есть повод просто написать сообщение. Это же не звонок, в конце концов. Или все-таки я не должна писать первой?»

Давно, с нежного юного возраста, Лизавета так не мучилась – писать или не писать сообщение мужчине, а когда решилась, то долго думала, что именно написать. «Привет, как дела?» – пахивало пошлой банальностью. «Я скучаю по тебе» – ванилью. «Спасибо за то, что делаешь меня счастливой» – глупостью.

Засмотревшись в окно, Лиза вдруг поняла, как выкрутиться, и спешно стала набирать сообщение.

«Ты видел, какие сегодня яркие звезды?»

За те пять минут, пока она ждала ответа, Лиза успела погрызть уголок подушки, постучать себя по лбу и мысленно надавать себе же затрещин. Стоило телефону пискнуть, как девушка налетела на него коршуном.

Казалось, даже сообщение передает невероятное обаяние Генри.

«Да, Елизавета, они очень яркие. Наверное, я сейчас должен написать, что ты их затмевашь, но это слишком банально. Зато с уверенностью могу сказать, что хоть ими и можно любоваться, зато ты гораздо притягательнее лично для меня. Почему ты не спишь?»

Лиза в восторге рухнула на кровать и принялась болтать ногами в воздухе, увлеченно набирая ответ.

«Я ночная кошка, которая гуляет сама по себе», – стала кокетничать она.

А потом вдруг ее пальцы взяли и написали сами собой второе сообщение, без доли жеманства:

«Просто я думаю о тебе и не хочу спать».

И это было правдой. Генри занимал слишком много ее мыслей.

Тот, кто переписывался с ней, сидя в темноте, чуть улыбнулся и проговорил негромко и задумчиво:

– Как мило и даже чуть наивно. Хорошая девочка.

В низком голосе слышалось одобрение.

«Получается, я результат твоей бессонницы, Елизавета, – отвечал он ей. – Что будем делать? Это надо лечить».

«Я знаю, чем меня можно вылечить», – с какой-то счастливой улыбкой ответила Лиз.

Она сделала небольшую паузу между сообщениями и продолжила:

«Я хочу увидеть тебя».

А потом сама же и стукнула сжатым кулачком по подушке – такую глупость написала Генри!

«На самом деле я уже давно здесь», – прочитала Лиза, да так и села в постели.

– Чего-о-о? В смысле здесь? – спросила она сама у себя.

Подчиняясь странному порыву, девушка подняла взгляд к потолку, словно ожидала увидеть Генри, повисшего на люстре. Потом откинула одеяло и подбежала к открытому настежь окну. Ночь не принесла долгожданной прохлады: воздух сгустился до такой степени, что казался липким сиропом, оседающим на коже противной пленкой. Пожалев об отсутствии кондиционера, девушка перегнулась через подоконник и в темноте, неподалеку от подъезда, увидела знакомый автомобиль и небрежно прислонившегося к нему Генри в рубашке с закатанными рукавами и брюках. Мужчина поднял взгляд как раз в тот миг, когда Лиза выглянула из окна.

«Приехал, приехал, оу-у-у, сам приехал!» – возликовала девушка, готовая ласточкой прыгнуть вниз, прямо к нему в объятия. Она почему-то была уверена, что ее с легкостью поймают.

К счастью, здравый смысл возобладал над глупыми романтическими порывами влюбленного сердца. Лиза помахала рукой и схватилась за мобильник. Кричать с десятого этажа она не стала, решив, что это не слишком красиво будет смотреться со стороны, а потому в спешке набрала номер мужчины.

– Не спится?

– Я люблю ночь, – слышался в телефоне спокойный голос Генри, – не так много суеты, как днем, на все можно посмотреть другим, более свежим взглядом. Ты тоже не спишь, Елизавета, может, присоединишься ко мне?

– К тебе? – задумчиво проговорила Лиза, понимая только одно – как она сейчас рада.

– Или пригласишь к себе. Я подчинюсь любому твоему выбору, – отозвался броне.

– Тебе лучше подняться ко мне домой. – Девушка представила, как будет смотреться Генри на белоснежных простынях, и едва не взвыла от пронзившего ее насквозь желания. Надо же, этот мужчина ухитрялся заводить ее, даже не прикасаясь.

Ей правда хотелось принять у себя такого гостя. Она жила одна, в однокомнатной квартире-студии, отобранной у бывшего мужа. Последний ее кавалер нанял в свое время крутую бригаду, которая превратила жилье в конфетку. Гламурную конфетку в розовых и сиреневых цветах.

– Правда, Генри, ты можешь зайти. Я всегда рада тебя видеть.

– Всегда? – в его голосе слышалась улыбка. – Хорошо. Я принимаю твое приглашение, Елизавета. Но воспользуюсь им в другой раз. А пока у меня для тебя сюрприз. Надеюсь, ты его примешь.

В синих глазах девушки запрыгали дорогие колё, соперничающие с другими атрибутами стильной жизни. Кротким голосом она проговорила, весьма красочно изображая смущение:

– Ну... Даже не знаю. Мы куда-то поедem? Еще на одну выставку? Сегодняшний поход в планетарий был весьма неплох.

Теперь мужчина рассмеялся в голос.

– Лизавета, – чувствовалось, что он веселится от души, – не надо изображать то, чего на самом деле не испытываешь. Я это сразу почувствую. Просто одевайся и выходи, я жду.

Лиза заметалась по квартире, беспорядочно хватаясь за одежду и косметику. Обычно она не спешила и могла опаздывать на свидания на час и больше. Конечно, так себя она начинала вести, когда кавалер уже был «на крючке». Сейчас же девушка решила, что пока не время проявлять характер, еще успеет.

Она распахнула шкаф и внимательно взгляделась в одежду. Никаких мини-юбок и супероткрытых топов. Женская интуиция давала понять, что все это придется Генри не по вкусу. Поэтому Лиза выбрала бледно-желтое длинное платье без рукавов из тонкого шифона, приятно охладившего кожу. Дрожащими руками застегнула его, завязала пояс, подчеркивающий талию, провела расческой по волосам и от волнения едва не угодила себе в глаз кисточкой от туши. От души выругавшись, Лиза сумела взять себя в руки и, в рекордные сроки закончив макияж, выскочила из дома, едва ли не на лету хватая крошечный черный клатч, куда помещались только кошелек, телефон да ключи.

Мужчина поприветствовал девушку, склонившись и прикоснувшись губами к ее запястью, так, что жаркая волна прошла вдоль спины Лизки. Надо же, а раньше она хохотала над любовными романами, когда главная героиня в них перманентно впадала в состояние эйфории при одном лишь виде главного героя. Оказывается, в жизни такое тоже случается. Просто редко.

– Ты прекрасна, – просто сказал Генри, с трогательной нежностью касаясь ее распущенных густых волос.

– Спасибо. А куда мы едем? – спросила она, когда перед ней распахнули дверь автомобиля.

– Увидишь. – Мужчина помог Лизе устроиться, сам сел за руль и произнес загадочным тоном: – надень вот это, пожалуйста.

Девушка с удивлением уставилась на темную повязку, появившуюся в руках у мужчины. Потом перевела вопросительный взор на Генри и мельком подумала, что Алекса ее убьет. Потому что крайне глупо ехать ночью с мужчиной, которого знаешь недели две, да и то довольно поверхностно, нацепив при этом на глаза повязку.

«Увезет он тебя сейчас в темный лесочек и прикопает после извращенской ночи любви под елочкой, – забубнил внутренний голос тоном осторожной Александры, – а может, под березкой. Тебе где больше хочется?»

– Ну же, Лиза? – Генри чуть покусывал губы, словно старался сдержать невольный смех. Кажется, он отлично понимал состояние своей ночной спутницы.

– А зачем повязка? – Девушка разрывалась между желанием послушаться и здоровым беспокойством.

– Помнишь, что я говорил тебе про доверие? Ты мне доверяешь? – И он провел указательным пальцем по плотной ткани повязки в руках у девушки. В полумраке автомобильного салона его глаза, чуть затененные стеклами очков, странно блестели. Лизке мужчина вдруг напомнил дикого кота, замершего в ожидании добычи.

«Да ладно, глупости какие!» Она посмотрела на повязку, на Генри, снова на повязку и опять на мужчину. Потом, решившись в один миг, взяла клочок ткани и решительно надела на глаза. Сразу стало темно и немного страшно.

– Не бойся, – Генри тонко чувствовал ее настроение, – меньше всего я хочу причинить тебе вред.

– Мне некомфортно, – призналась Лиза, сердце которой гулко билось. – Но я тебе доверяю.

– Умница, – погладил ее мужчина – теперь уже по щеке; провел кончиками пальцев по шее, коснулся ключиц и поцеловал оголенное плечо. – Не бойся, – повторил он.

Его голос обладал странной силой убеждения. Лиза почти успокоилась, хотя всю дорогу просидела чуть напряженно и вслушивалась в окружающие звуки. Забавно, сидя с завязанными глазами, она вдруг острее стала ощущать мир вокруг. Когда Генри положил ей на колено руку, то девушка вздрогнула, словно ее обожгло сквозь тонкую ткань платья, хотя на самом деле его пальцы были довольно прохладными. А тихая романтическая музыка, наполнявшая салон, казалось, проникала прямо в душу.

Она почувствовала, как машина остановилась, затем прохлада кондиционированного воздуха сменилась липкой душной жарой. Девушке помогли выйти и куда-то повели, приобняв за талию. Лиза пару раз не слишком грациозно оступилась, едва не сломала каблук и чуть не разозлилась. Но сдержалась и продолжала послушно идти, покорная чужой воле.

– Тебе понравится, – прошептал Генри ей на ухо, касаясь губами мочки уха. Всего лишь два слова, а Лизу словно молнией прошило, и она обняла мужчину, слепо пытаясь его поцеловать. Скажи он ей о том, что она станет его рабой, девушка моментально бы согласилась – и ценой стал всего лишь один поцелуй.

– Не здесь, – отстранился от нее Генри, и его рука, словно невзначай, скользнула по ее спине.

Загудел лифт, поднимая их куда-то высоко-высоко, затем Лизу вновь повели вверх. Ей казалось, что они идут целую вечность, хотя на деле прошла буквально пара минут.

Когда повязку сдернули, Лиза машинально зажмурилась. Потом аккуратно приоткрыла глаза... И тут же откровенно вытаращилась на то зрелище, которое ей открылось.

– Нравится? – Шепот над самым ухом заставил едва заметно вздрогнуть. Генри стоял позади Лизы и, обхватив девушку за талию, чуть прижимал к себе. Давал оценить увиденное. А сам наслаждался ее эмоциями.

Они стояли на пороге огромной спальни, которая могла пригрезиться в самых романтических мечтах. Окно во всю стену, обрамленное тяжелыми золотистыми шторами, открывало вид на сверкающий ночной город и звездное небо. Гладкий темный паркет тоже казался небом с множеством звезд – их роль исполняли огоньки свечей, расставленных по полу: больших и маленьких, ярких и тусклых, белых и разноцветных. Третьим небом был зеркальный потолок, который отражал узоры огней на полу.

Центральной фигурой в шикарной спальне являлась огромная кровать под балдахином из полупрозрачной богато-золотистой ткани, с соблазнительным ворохом постельного белья того же оттенка. К ней пролегла извилистая дорожка из бордовых лепестков роз, они же виднелись и на прикроватном столике, где расположились фрукты, вино в ведерке со льдом и изящные бокалы.

В воздухе витал едва уловимый терпкий одурманивающий аромат восточных пряностей – всего пара вдохов, и у Лизаветы приятно закружилась голова, а мыслями полностью завладел Генри, Генри и только Генри.

Девушка безумно хотела поцеловать его и даже в треске свечей слышала слабое: «Он – твой. Он – твой».

Генри положил руки на талию Лизы и спиной прижал к своей груди. На девушку тотчас напало безрассудное томление, которое, растворяясь в ее желании и головокружении, заставляло чувствовать то, чего не было на самом деле. Генри стоял сзади, одной рукой прижимая к себе, а второй поглаживая волосы, но Лизе казалось, что он уже целует ее. Она

явственно ощутила на своих губах его губы и задрожала – не от страха, а от восторга, когда они проложили дорожку от шеи к груди.

Наваждение прошло так же внезапно, как и нахлынуло.

– Тебе нравится? – спросил сзади Генри приглушенным голосом. Лиза, дыхание которой чуть сбилось, хрипло ответила, что в восторге. – Это тебе.

Лизавета кое-как перевела ошарашенный взгляд на то, что протягивал ей из-за спины Генри. Белоснежная плоская коробка, перевитая темно-золотой лентой.

– Что это? – удивленно повернулась она к мужчине.

– Продолжение сюрприза, – не стал скрывать тот, не сводя с девушки жадного взгляда – в спальне он был без очков.

Девушка, которую стало потряхивать от переполнявших эмоций и чьи губы все еще хранили на себе след прикосновения от губ ее личного призрачного Генри, смогла открыть подарок не с первой попытки. А когда сумела это сделать, то от неожиданности прижала ко рту ладонь с длинными безупречными ногтями.

Внутри оказался длинный пеньюар из тончайшей ткани нежного золотого оттенка – такого же, как балдахины на шикарной кровати и отсветы чудесных свечей на паркете...

– Если ты примешь его, – голос у Генри стал совсем низким, – то я расценю это как твое согласие, Елизавета.

«Ты что, думаешь, я могу отказать?» Лиза дышала быстро и неровно. Ей как-то не верилось, что все происходит на самом деле. Неужели кто-то наверху услышал ее молитвы о щедром и богатом мужчине и послал ей его, наделив еще и заботливостью пополам с романтической? Генри был немного по-старомодному романтичный, но это цепляло, честное слово.

– Я буду ждать тебя здесь, – сказал мужчина тихо. – А ты решай, возвращаться тебе в моем подарке или в своей одежде уйти за дверь.

– Я не уйду, – твердо ответила Лиза, смело глядя на Генри. Без очков он казался более молодым и не интеллигентным, а решительно-благородным.

Лиза перекинула через локоть полупрозрачный волнующий подарок, всеми силами стараясь показать, что не отдаст его.

– Это твой выбор, девочка моя? – напоследок, словно в последний раз, спросил Генри.

– Да.

Он ласково улыбнулся, и девушка улыбнулась в ответ, протянув руку и расстегнув первые две пуговицы на его рубашке. Мужчина накрыл ее пальцы своей ладонью:

– Сначала выполни мое условие. Я буду ждать. – Он вдруг убрал за ухо густые локоны и сказал, странно улыбаясь: – Я рад, что ты носишь мой подарок.

Лиза действительно была влюблена в серьги с рубинами и россыпью бриллиантов. Сейчас огни свечей отражались в благородных камнях, делая их кроваво-красными.

– Раз ты сделала свой выбор, иди туда, – кивнул на вторую дверь Генри. Он не мигая глядел на Лизу.

Девушка, предвкушая совершенно невероятную ночь, зашла в просторную ванную комнату, в которой тоже горели свечи – много, несколько десятков, и все, как на подбор, темные и высокие, увенчанные нервным трепетным пламенем. Отсветы на блестящих стенах придавали помещению мистичность, а еще пахло приятными восточными пряностями, которые не просто затуманивали рассудок, но и действовали как сильнейший афродизиак – стоило Лизе представить Генри, как у нее подгибались коленки.

Девушку ждала наполненная, кажущаяся из-за своего темного цвета невероятно глубокой ванна, в которой плавали белоснежные лепестки роз. Лиза несмело скинула одежду и опустилась в воду, решив полежать в ней немного, чтобы расслабиться и подразнить ждущего ее мужчину. Что может быть мучительнее ожидания?

Правда, спустя несколько минут девушка вдруг точно поняла, что сама больше мучается в ожидании, ласкаемая водой, а потому спешно вылезла из ванны и накинула на влажную кожу подарок Генри.

Полупрозрачная золотистая ткань пеньюара подчеркивала смуглость кожи и дарила странное ощущение – Лиза сама себе казалась королевой. Она откинула волосы назад и, выгнув спину, посмотрела на свое отражение.

«Иди, – шепнуло ей оно. – Он ждет тебя».

И девушка пошла, не замечая, что к волосам и бархатной коже кое-где прилипли беспомощные белоснежные лепестки роз.

Генри ждал ее, стоя у окна, заложив руку за руку и глядя в ночное небо. Хотя Лиза вышла бесшумно, он сразу понял, что она только что переступила порог, и сказал:

– Сегодня с нами будет три неба, а ты станешь для меня четвертым.

И после, ни слова больше не говоря, повел ее к кровати. Усадил, сам сел рядом и, положив ладонь на щеку, подарил второй поцелуй – волнительный и неспешный.

Он начинал неспешно, дразня медленными движениями и слабыми прикосновениями, больше наслаждаясь, чем даря, и заставляя Лизу саму начать проявлять инициативу. Почувствовав, что девушка готова многое делать сама, вдруг почти обездвижил ее, смеясь и буквально мучая беспомощностью; затем взял всю инициативу на себя, став настоящим ураганом страстей, магистром чувственных переживаний, и делал такое, что она не могла сдержать криков. Глубокий сильный ритм, заставляющий вздрагивать все тело.

Она упала ему на грудь, задышавшись от удовольствия, наконец настигнувшего ее теплой стремительной волной, и думая, что это – все, однако Генри перевернул ее на спину и, глядя ей в глаза, продолжил, буквально вбивая ее в разворошенные простыни, а Лизу едва не смело новой волной, после которой последовали еще и еще.

С ней никогда не было такого. Лиза растворялась в ощущениях, в тех эмоциях и ласках, которые мужчина дарил ей с необыкновенной щедростью. Это была умелая игра двух влюбленных, древняя, как мир, но все такая же чувственная и таинственная. Когда теряется счет времени, а пространство вокруг начинает пульсировать в такт бешеному ритму сердца.

В какой-то момент, глядя на их отражения в потолке, девушка поняла, что эта ночь навсегда останется в памяти – так, как на дереве вырезают фигурки и надписи, так и в ее душе Генри сейчас умело вырезал собственное имя. Может, будут другие ночи: лучше или хуже, но подобная – вряд ли. Настолько умелые любовники ей еще никогда не попадались. Лиза сама себе напоминала какой-то оголенный эротический нерв, который под конец взрывался уже от самого легкого поцелуя.

Последнее, что запомнила Лиза, перед тем как отключиться, разгорающийся за окном рассвет и обнаженного Генри, который стоял у окна спиной к ней.

– Я люблю тебя, – прошептала она и мягко соскользнула в яркий сон.

Ей грезилось, что она бежит куда-то по темному лесу, над которым застыла полная луна. Под ногами хрустел снег, сверкающий и холодный даже на ощупь. Но Лиза не мерзла, хотя была одета в обычный летний сарафан. А навстречу ей так же быстро бежала девушка, похожая на нее как две капли воды, но одетая в старинное красивое платье. Она размахивала руками, словно пытаясь прогнать ее со своего пути.

Глава 3

Вторая половина пятницы у Александры совершенно не задалась. Сначала выяснилось, что из-за глупости коллеги придется начинать с нуля один почти законченный проект. Затем произошла некрасивая ссора с одной из девиц из соседнего отдела, которой Алекса была совершенно не по нраву. Девушка свято верила, что свое недавнее повышение рыжеволосая получила благодаря связям с одним из директоров компании.

– Я видела вас вместе, Сокольникова! – кривя ярко накрашенные губы, говорила она с вызовом. – Понятно, почему ты получила эту должность. Теплое местечко в обмен на нагретую постель, да?

У Алексы даже в глазах потемнело от таких слов, но она была натурой хоть изредка, но умеющей держать себя в руках. Пожалуй, ее только одно существо умело вывести из себя даже ничем не значащими предложениями, но его на работе не было. Сказав ледяным голосом пару не слишком приятных фраз, рыжая ушла в свой кабинет рядом с лабораторией, в котором тотчас отчего-то пропало электричество, и пришлось вызывать мастеров.

Затем было срочное совещание, в процессе которого едва ли не летели головы в разные углы конференц-зала. Как назло, от руководства не досталось только Александре, и сотрудники, слышавшие сегодня речь той самой коллеги, как-то косо поглядывали на рыжую девушку.

Апофеозом печального дня стал планетарий в компании Лизы и ее Генри.

После планетария она и вовсе, вместо того чтобы отправиться домой, в уютную квартиру, поспешила на работу, где опять возникли проблемы. Одновременно она пыталась выяснить хоть какую-то информацию по Генри. Но единственным, кто мог предоставить ей информацию, был дядя Андрей, а он все еще не вернулся в город и был вне зоны доступа.

Вернулась Алекса под утро, бросив машину около дома. Уже в квартире, вспомнив про Лизку и ее нового ухажера, она несколько раз посылала подруге сообщения, но та так и не соизволила ответить. Тогда порядком раздраженная Алекса решила ей позвонить.

– Ну и чего ты меня так нагло игноришь? – раздраженно спросила она, как только услышала заспанное «да».

– А который час? – слышно было, как Лиза протяжно зевнула – Ой, ничего себе! А, хотя-я-я... Эй, начинай мне завидовать! Алекс, я просто в раю!

– В каком еще раю? – насторожилась рыжая. Голос у подруги был хоть и заспанный, но счастливый. – Погоди-ка, ты что, провела ночь с этим полудурком? – прошипела она, как кошка.

– Сама ты полудурок. Нет, вот чего ты разозлилась, а? Это самая лучшая ночь в моей жизни! Все так мило и романтично: цветы, вино, обалденный подарок, – голос у подруги вдруг охрип, и она счастливо рассмеялась, – но это все ничто по сравнению с тем, что было!

– А что было? Хватит хихикать, как девушка в пубертатный период, рассказывай!

– Он – бог секса! – объявила Лиза гордо, как будто бы сама обучала Генри столь интимному мастерству. – Я хочу... Нет, я выйду за него замуж!

Алекса едва слышно простонала, как будто от зубной боли.

– Лизка, он полудурок, а ты – целая дура. Да пойми ты своей маленькой головой! Ты ему не нужна! Такие, как этот твой Генри – богатенькие мажоры, – только пользуются такими красивыми куколками, как ты. И когда играют – ломают. А сломанные куклы им не нужны, Лиза, поверь мне. Не нужны! Оставь его, пока не поздно! Пока он тебя не сломал, – вдруг с какой-то непонятной горечью добавила она.

– Не сломает, – слышно было, как Лизка чем-то шуршит, – интересно, куда он ушел? Алекс, ты вечно беспокоишься, хватит уже! Да Генри как раз тот, кого я так долго искала.

Богатый, красивый, не жадный – сплошные плюсы. Немного загадочный, но это даже клево. Эх, блин, а я ему наврала. Он хочет себе идеальную женушку из полной семьи и верную, как Хатико.

– Да ничего ты не понимаешь! – почти крикнула Алекса, но вдруг замолчала, решив, что разговор по телефону ничего не даст. Такие темы стоит обсуждать при личной встрече, видя глаза друг друга.

Она сделала вид, что закашлялась, а потом спросила удивленно:

– погоди, из какой еще полной семьи? Ну, если считать череду всех твоих отчимов, то у тебя семья – просто полная чаша, – довольно-таки ехидно проговорила Алекса.

– Ну-у-у... – Лизка зачем-то понизила голос до шепота, – я, скажем так, немного приукрасила действительность. Сказала, что родители как поженились, так до сих пор обожают друг друга, ну и того... Про свое замужество не сказала. Да ладно, признаюсь, когда он привыкнет ко мне и предложение сделает. Ты чего там пыхтишь?

– Гайморит замучил, – огрызнулась Алекса. – Нет, Лиз, ты в порядке?! Думаешь, он ничего не узнает? А если бы у тебя ребенок был, ты бы и его утаила ради богатенького буратины?

– Зачем придумывать то, чего нет, – рассердилась Лиза. – Алекс, не свинячь, а лучше порадуйся за меня. Знаешь, какой он? Он такой... такой... просто слов нет. И сил тоже нет. Ты бы знала, что он делал. Ай, вот же зараза!

– Кто?

– Никто, это я в зеркало посмотрела. На шее засос, не сильный, но маскировать придется.

– Синяк, значит, на шее, – повторила задумчиво девушка, вскочила с дивана, подошла к окну и стремительно распахнула его. Порыв ветра запутался в огненных кудрях. Такой же ветер бушевал и в душе. – А больше нигде он тебе засосов не оставил?

После недолгого молчания Лиза чуть смущенно призналась:

– Есть еще один, на бедре. С внутренней стороны. О боже, у меня голова от счастья кружится!

– Боже, Лиза, у тебя точно крыша поехала. Вы же такие разные, отличный секс – это не повод влюбляться по уши. – Александра наклонилась и тихо побилась и без того гудевшей головой о подоконник.

– Да что с тобой? – вздохнула Лиза. – Ревнуешь? Давай-ка встретимся сегодня, а? Как всегда, часов в пять вечера. Сходим в бассейн, поболтаем. Ты же моя лучшая подруженька, а он – мой будущий муж, вы не должны шипеть друг на друга. А ты прям искришь от злости.

– Потому что переживаю за тебя.

– А вот и не стоит. Ладно, я тебе позвоню. Сегодня я такая счастливая, что прощаю тебя за вчерашнее. Эй, Алекс, тебе срочно надо влюбиться заново, у тебя стал портиться характер.

– А у тебя срок действия мозга закончился! – резко отвечала вторая девушка. – Уходи оттуда! И не смей больше. Эй, алло! Лизка! Алло! Вот же черт поганый, – выругалась она. – Трубку бросила!

Рыжая в сердцах едва не отправила мобильник в стену. Ее удержала лишь мысль о том, что она не настолько богата, дабы швыряться телефонами.

– Да, блин, делайте вы, что хотите! – Алекс чувствовала себя вымотанной до предела. Проблемы на работе, отсутствие личной жизни, она всю ночь не спала плюс волновалась за эту дуреху. И как теперь отвадить Генри от Лизки? Беда просто.

Кое-как приняв душ, девушка залпом выпила сок из холодильника, после чего упала на кровать и мгновенно уснула. Проснулась она лишь к обеду.

В телефоне ее ожидали несколько пропущенных сообщений и звонков от подружки. Видимо, у той бессонная ночь сил не отобрала, только прибавила.

Алекс перезвонила Лиз, договорилась о времени и месте встречи и стала собираться.

Предложение Лизы посетить фитнес-клуб совпадало с ее планами. И касались они сбора информации на некоего подозрительного типа, который охмурял ее практичную подружку, в момент превратившуюся из дерзкой розы с шипами в беззащитную ромашечку.

В бассейн, а точнее, в элитный фитнес-клуб, они с Лизкой ходили около трех месяцев. Подруга достала туда карточки по какой-то невероятной скидке и теперь регулярно тренировалась в спортзале, тогда как Александра предпочитала плавание – и тому была определенная причина.

С Лизаветой они встретились возле входа в клуб. Он находился в трехэтажном желто-оранжевом здании, затесавшемся среди панельных десятиэтажек и скучных пыльных дворов. Шатенка светила. Алекса даже почувствовала себя старой грымзой, когда подруга, сверкая синими глазами, подбежала к ней и тут же полезла обниматься.

Лиза ведь счастлива, сразу видно. Почему бы и ей не успокоиться и не оставить все как есть?

Наверное, потому, что она дура. Потому что она не может бросить Лизу в беде.

– Смотри не растай от счастья. – Рыжая высвободилась из объятий подруги.

– Не дождешься. – Лиза в синем, под цвет глаз, коротком платье прижала руки к груди и выдохнула: – Неужели это все происходит со мной? Неужели Генри существует?

– Нет, детка, – откликнулась Алекса, – это – фантастика. Или твои глюки. Сейчас очнешься в дурке, а рядом радостный санитар с таблеточками. А если серьезно, то я, конечно, рада за тебя. Но этот Генри все равно мне не нравится. Что-то в нем не то...

– Что именно?

– Ну, какой-то он не такой, – весьма туманно изрекла Алекса, чувствуя себя идиоткой.

– Какой не такой?

– Нехороший.

– Невероятная характеристика. У нас полпланеты нехороших людей. Вторая половина, впрочем, еще хуже, – хихикнула Лиза.

Она первой направилась к входу, размахивая белым модным рюкзачком. Девушка пребывала в полной уверенности, что лучшая подруга ревнует.

Алекса, собиравшаяся прочесть ей лекцию на тему «Генри тебе не пара, ну его на фиг», решила пока не торопить события. Собираясь в фитнес-клуб, девушка поняла, что для начала ей надо собрать кое-какие сведения, а уже потом действовать.

Девушки скрылись за стеклянными массивными дверями.

* * *

Хоть Лиза и была с виду счастлива, она все же находилась в смятении. С одной стороны, ее тревожила вбитая с детства мысль об удачном выгодном замужестве, с другой – она чувствовала, что влюбленность в Генри проникает в ее кровь сладким сильным наркотиком. С каждым днем ее чувства к этому невероятному мужчине усиливались, а каждый час, проведенный без него, заставлял тревожно вздыхать.

Сегодня утром, поболтав с подругой по телефону, радостно улыбающаяся Лиза побродила по шикарной квартире Генри, с интересом разглядывая интерьер. Четырехкомнатные апартаменты были выдержаны в строгом и одновременно изящном современном стиле – правильные геометрические фигуры, ровные линии, лаконичность, много пространства, высококачественная отделка, игра контрастов в оформлении, максимум функциональности, минимум декора, за исключением разве что картин в тонких черных рамах с изображениями столиц мира, которые, впрочем, в общую атмосферу вписывались отлично. Правда, насколько помнила Лизка, такой стиль дизайнера предполагает много света, а здесь на окнах

висели плотные шторы и царил полумрак. Вся техника тут была самая модная и новая. Лиза даже присвистнула, увидев в гостиной один из самых лучших и дорогих телевизоров, занимающих едва ли не половину стены.

Так как есть хотелось все сильнее, а мужчины все еще не было, то девушка заглянула и на кухню – стерильно чистую, выполненную неизвестным дизайнером в резких черно-белых тонах. Тут казалось не очень уютно, холодно, но было необычайно стильно – хоть фотосессии устраивай. В общем, Лизе кухня не очень понравилась, несмотря на новейшую технику, о которой сама она могла только мечтать, – складывалось впечатление, что здесь крайне редко готовят. Не было ощущения домашней теплоты, той самой, которая возникает тогда, когда вместе собирается семья за ужином или завтраком.

«Впрочем, – рассудила Лиза, оглядывая помещение, больше похожее на операционную, – Генри ведь живет один и постоянно находится в разъездах. Наверняка ему некогда готовить. Но я все исправлю, оживлю это хмурое местечко. Генри придет, а я ему вкусный обед приготовлю».

С этой мыслью Лиза потянула на себя дверку огромного белоснежного холодильника и удивленно приподняла тонкие брови: из еды внутри ничего не было. Все пространство заполняли бутылки с водой. Девушка даже открыла одну, понюхала и осторожно попробовала. Да, самая обыкновенная холодная вода. Негазированная.

– Ты уже встала, – раздался вдруг низкий голос Генри. От неожиданности Лиза едва не выронила бутылку.

Мужчина незаметно вернулся домой и теперь с интересом созерцал чудную картину: лохматая девушка в золотистом полупрозрачном пеньюаре с бутылкой воды наперевес.

Генри снял очки и, чуть прикусив одну из дужек, внимательно посмотрел на Лизу. Под его пристальным взглядом девушка краснела все сильнее, но не отворачивалась.

– Что-то есть захотелось, – выдавила она из себя, стараясь принять независимый вид, – но у тебя явно проблемы с продуктами. Ты ешь вообще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.